

Интервью с Марией Абрамовной АЛЕСИНОЙ

«У КАЖДОГО БЫЛА СВОЯ ИСТОРИЯ ПРИХОДА В СОЦИОЛОГИЮ»

Алесина М. А. — окончила факультет психологии Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета (1974 г.). Последнее место работы: 1995-2009 гг. - Благотворительный фонд «Санкт-Петербургский институт общинных и социальных работников». С мая 2009 г. — на пенсии.

Основные области научного интереса: проблемы городского образа жизни, адаптации мигрантов в большом городе, уровень жизни и потребности социально незащищенных групп населения, в т. ч. семей, включающих пенсионеров и инвалидов; различные аспекты деятельности благотворительных организаций, в т. ч. волонтерство как форма социальной активности.

Интервью состоялось: апрель-июнь 2015 г.

Интервью с Марией Абрамовной Алесиной — документ, на редкость содержательный и для восстановления истории советской / российской социологии, и для ознакомления со многими страницами истории нашей страны в послевоенное время. Мы с ней относимся к одному поколению, только я родился за несколько дней до войны, а она — через год после её окончания. Оба жили в Ленинграде и помним огромные «коммуналки», керосинки, индивидуальные дровяные сараи и длиннющие очереди за продуктами. Оба учились в ЛГУ. Когда она была студенткой только что открывшегося психологического факультета, располагавшегося тогда в особняке графа Бобринского на Галерной (Красной) улице, я, уже будучи аспирантом матмеха, помогал ее профессорам Б. Г. Ананьеву и Е. С. Кузьмину в обработке информации. Мы по-разному, но почти одновременно вошли в социологические коллективы; это было то время, когда социологов в Ленинграде было мало, и все — так или иначе — знали друг друга. И, все запомнившееся мне, не просто оживает, благодаря воспоминаниям Маши (я не помню, чтобы ее кто-либо в те годы и позже называл Марией), но в какой-то мере валидизирует ее описание.

Рассказывая о начальных годах работы в социологии, Алесина замечает, что «у каждого была своя история прихода» в социологию. Это — верно, и все же при всей единичности, уникальности дороги, пройденной каждым, можно говорить о типологии таких путей. Схематично траектория движения Алесиной задается следующими «точками»: «раннее осознание неудовлетворенности рутинной школьной жизни» — «почти случайное вступление в коммуну старшеклассников» — «политизация сознания и приобретение лидерских качеств» — «окончание школы и поступление в традиционный для начала 1960-х технический ВУЗ» — «понимание того, что это нечто инородное» — «уход из технического ВУЗа и поступление на факультет психологии ЛГУ» — «знакомство с первыми социологами» — «начало работы в одном из первых в Ленинграде (и в СССР) социологических подразделений».

Тем же путем в социологию пришли Галина Васильевна Старовойтова и Михаил Вениаминович Борщевский. Галина была активным членом той же коммуны Кировского района Ленинграда, что и Маша, а Михаил — был их вожаком. Оба начинали учиться в технических вузах, оба оставили их и получили, соответственно, психологическое и философское образование.

Что касается элементов описанной траектории вхождения в социологию, то они обнаруживаются в воспоминаниях многих социологов разных поколений. К примеру: Б. М. Фирсов окончил электротехнический институт, стал радиофизиком и, проработав много лет в комсомоле и партии, пришел в социологию. В целом так же складывались пути в социологию Г. Г. Татаровой, Н. Е. Тихонова, Б. Г. Тукумцева. М. К. Горшков окончил медицинский вуз, но затем комсомольская работа привела его в социологию, Ж. Т. Тощенко стал социологом, окончив исторический факультет и отработав ряд лет на ответственных партийных должностях. А. В. Тихонов, получив диплом инженера по автоматике и телемеханике в Ленинградской лесотехнической академии, был избран секретарем по идеологии Выборгского райкома комсомола г. Ленинграда. Позже, когда его стали обвинять в создании антисоветской организации «из числа идейно незрелой молодёжи», его выручали и помогали прежде всего отсидевшие срок в сталинских лагерях ветераны комсомола. Кроме того, смело и решительно действовал О. И. Шкаратан, он уговорил ректора ЛФЭИ им. Вознесенского взять Тихонова в его Межинститутскую социологическую лабораторию. Д. П. Гавра, обучаясь в Политехническом институте, увлекся общественной работой и, получив высшее образование и «пройдя через Комсомол» и освобожденную партийную работу, стал сначала экономистом, а затем — социологом. Тот же институт закончил В. Я. Гельман, но ветры Перестройки «принесли» его в политологию. Примерно такой же путь прошел выпускник Куйбышевского авиационного института В. Б. Звоновский.

В пространстве нашего историко-социологического проекта рассказанное Машей Алесиной не просто подтверждает правомерность типологизации путей вхождения в социологию. Можно сказать, что советская социология в условиях отсутствия в стране социологического образования самостоятельно отыскивала возможности для своего развития и формирования кадров исследователей. Более того, в течение всего доперестроечного периода социология в значительной степени притягивала к себе людей, критически настроенных к наблюдаемой ими социальной реальности и желавших внести свой вклад в научное освоение

происходившего и нахождение путей разблокирования проблемных ситуаций. Напомню, В. А. Ядов был «сослан» на завод за сокрытие информации о том, что его отец был еще до войны исключен из партии; А. Г. Здравомылов еще студентом и после получения диплома философа занимался комсомольской работой и позже назвал ее «опытом включенного наблюдения»; А. Н. Алексеев уходил с ответственной позиции в молодежной (комсомольской) газете «Смена» на производство и затем стал социологом. Количество подобных историй может быть увеличено. Одно ясно, общественная, комсомольская, партийная работа расширяли поле видения молодых специалистов, заставляли их размышлять о человеке, обществе и «подталкивали» их в социологию.

Ленинград – Павловск, 1 мая 1963 (?) года.
Слева направо: М. Алесина, М. Борщевский, Г. Старовойтова

Хотел бы выделить еще один фрагмент данного интервью, показывающий, каким образом на первом этапе становления социологии в нашей стране происходил обмен методическим и организационным опытом между специалистами и различными научными коллективами.

В 1968 году по рекомендации Борщевского Машу Алесину, имевшую уже определенные представления о методологии социологии и навыки в обработке анкетной информации, принимают лаборантом в социологическую

лабораторию О. И. Шкаратана. Альберт Васильевич Баранов, фигурирующий в приводимом ниже тексте, — один из первых в СССР социальных психологов и социологов.

Вот как Маша вспоминает сейчас свой первый день работы:

В первый же день к Шкаратану зашел Альберт Васильевич Баранов и принес слух о том, что завтра в Москве, в ИКСИ будет проходить семинар по проблемам методологии и опыту проведения исследования общественного мнения (в Таганроге). Надо бы кого-то послать, чтобы законспектировали. К счастью, в тот момент под руку подвернулась я. Вопрос ко мне был только один: есть ли у меня в Москве место переночевать. Разумеется, место нашлось. Так я попала на семинар к Б. А. Грушину. Оказалось, что семинар — не однодневный, как мы предполагали. В течение 2-х недель по 5–6 часов в день Б. А. Грушин подробнейшим образом рассказывал о методологии комплексного исследования, делился опытом решения проблемы сопряжения огромного числа конкретных исследований, включая разработку самых разнообразных методик, подготовку кадров для полевых работ, а также методологию анализа данных. Всё это было безумно интересно. Тогда я еще была не готова понять всю сложность решаемой проблемы, но старалась хотя бы законспектировать (додиктофонная эра).

Вернувшись из командировки, я «попала с небес на землю».

Есть в воспоминаниях Алесиной и еще интересные описания того, как шел взаимообмен методическими достижениями между социологами. Можно сказать, что это и были *социологические университеты* того периода.

И еще: этот же фрагмент еще раз показывает, как интересен и кропотлив исторический поиск, сколько неожиданностей встречается в этом процессе. Я давно изучаю становление исследований общественного мнения в России и привык искать соответствующую информацию в беседах с теми, кто работал в этой аналитической нише. И вдруг, ценная информация о влиянии опыта Б. А. Грушина на ленинградских социологов, работавших в других предметных областях.

Картина прошлого не пишется маслом и широкой кистью, это — тончайшая мозаика.

Алесина М. А.: «У каждого была своя история прихода в социологию»

Маша, насколько я помню, Вы — ленинградка, кем были Ваши родители, что вообще Вы знаете, помните о своей семье?

Моя мама, Алесина Анна Моисеевна (урожденная — Каган) родилась в 1919 году в Твери, где семья оказалась беженцами из Минска во время I мировой войны. Вернувшись с фронта, дед через некоторое время перевез семью в Ленинград, так что всю сознательную жизнь мама провела в Ленинграде, за исключением эвакуации из блокадного Ленинграда в Горьковскую область, в мордовское село, где она работала учительницей.

Мамин отец работал слесарем по ремонту медицинского инструмента, а мать всю жизнь была домохозяйкой, великой труженицей. Она родилась в 1888 г. в г. Игумене (Белоруссия). Потом жила в Минске, вышла замуж. Недавно я нашла среди старых документов свидетельство минского раввина о регистрации их брака — то небольшое, что удалось взять с собой в эвакуацию. В 1914 г. деда забрали на войну, а бабушка с новорожденным сыном бежала в Тверь. Прожила 95 лет. Вырастила меня. Пока могла, выстаивала многочасовые очереди за продуктами, готовила еду на керосинке, кормила всех. Только через много лет я поняла, что ей приходилось целые дни простаивать на коммунальной неотапливаемой кухне, где столик нашей семьи находился у холодного окна. Без отпуска и выходных. Она закончила всего 2 класса и всю жизнь жалела, что не довелось получить образование. Поэтому они с дедом делали всё, чтобы мама и ее старший брат учились. Дядя стал музыковедом, а мама — филологом, знала 5 языков.

У них была маленькая 2-комнатная квартирка во втором дворе, но — на Невском! В центре традиционно были хорошие школы, хорошие учителя. Но, по словам мамы, не было не только хороших, но вообще стабильных программ по всем предметам. Методы обучения тоже постоянно менялись, включая «бригадное обучение». Поэтому результат практически зависел от квалификации педагогов старой закалки, преподававших в нескольких «образцовых» школах.

Традиции хранились очень долго. Однажды, когда я сама была классе во втором — третьем, мама взяла меня с собой на традиционный ежегодный вечер встречи выпускников своей 306-й школы. Я до сих пор помню, какие там были огромные рекреации с зеркалами, парты с резными спинками, старинные шкафы в кабинете физики. пожилые и даже откровенно старые выпускники ходили по школе, находили кого-то из знакомых. Но чаще не находили, рассказывали друг другу, что знали: кто когда и при каких обстоятельствах погиб — тогда пошел второй десяток лет после войны. По-моему, был даже кто-то из учителей. Тогда я заразилась традицией ежегодных встреч выпускников. Поскольку нашу школу закрыли, мы каждый год во вторую субботу февраля собираемся своим классом дома у кого-то из одноклассников. 50 лет, до прошлого года, чаще всего собирались у меня, в этом году первый раз я не пошла — уже не хватает сил на весь вечер.

Мама была очень общительным и активным человеком, возилась с младшеклассниками, была у них вожатой. Она с гордостью называла мне среди своих воспитанников несколько известных впоследствии горожан.

У мамы в школьные годы был широкий круг самых разных увлечений. Например, что-то вроде морского университета: учили сигнальную флажную азбуку и еще что-то, даже ходили на веслах до Кронштадта. Но самым главным увлечением была литература. Не помню, как это называлось, но там были лекции по истории и теории литературы, руководил этим С. Я. Маршак. Поэтому вполне естественно, что, окончив в 1937 г. школу, мама поступила на отделение романской филологии филфака университета.

И вот, когда, вроде бы, трудный период жизни семьи подходил к концу, началась война. Мама тогда перешла на 5-й курс. Им летом вычитали лекции за 5-й курс, зачли курсовые 4-го курса за дипломные работы и выдали дипломы. После этого мальчики пошли воевать, а девочки сначала рыли окопы на подступах к Ленинграду, а потом работали в госпитале — в здании истфака.

Мамин брат воевал, после тяжелого ранения стал инвалидом. Дед умер в блокаду. Позже маму с бабушкой отправили в эвакуацию. Их квартиру заняли люди, чей дом разбомбили. После войны вернуться в Ленинград можно было только по вызову родственников на их жилплощадь. Дядя послал вызов, а жить-то было негде, т. к. у него в это время уже были жена и трое детей. Мама устроилась на работу в школе и жила с бабушкой там же — в школе, в крохотной комнатухе.

В это время мама с папой познакомились, поженились и в 1946 г. родилась я.

Мой папа, Алесин Абрам Исаакович, родился в 1911 г. в Витебске. Его отец был рабочим на кожевенном производстве и рано умер из-за профессионального легочного заболевания. Мой отец был младшим ребенком в многодетной семье и с раннего детства помогал матери вести хозяйство, поэтому умел не только чинить всё в доме, включая обувь, электроприборы и др., но и готовить. Он этим гордился и считал буквально «вторичным половым признаком» (хоть слов таких и не знал). Мужчин, не владеющих хозяйственными навыками, отец презирал, впрочем, как и все гуманитарные занятия, считая их бесполезными, «для бездельников». При этом любил и уважал мою насквозь гуманитарную маму. Иногда, по ее просьбе, пытался обучить ее азам кулинарии. Мамина мама, наоборот, была категорически против этого: «после рабочего дня женщина устала и не должна заниматься хозяйством». Не желая детям повторения своего жизненного пути, она не давала им заниматься бытом: «пусть учатся!». Позже бабушка и меня так воспитывала.

По рассказам отца, он не был чужд культурной жизни Витебска того времени. Вспоминал, какие художники там работали, какие знаменитые деятели культуры и театры приезжали к ним на гастроли, был в какой-то мере в курсе проблем театральной жизни. Интересно, что на моей памяти этих интересов уже не было. Досуг он проводил исключительно в кресле у телевизора. Помню лишь один раз, когда он водил меня в Эрмитаж — в младшем школьном возрасте. Конечно, мешало плохое здоровье, но не настолько же! Сказалось глобальное разочарование в людях, в жизненных перспективах, вообще обида на весь белый свет. Мама буквально задыхалась в такой атмосфере, но добросовестно старалась обустроить семейный быт, лишь изредка бывала с подругами или родственницами в театрах, музеях, на каких-то встречах.

После окончания школы отец работал сначала в Витебске, потом еще где-то и, наконец, переехал в Ленинград. В те годы в армию забирали не один раз, как сейчас, а — по необходимости. Поэтому невозможно было нормально строить карьеру. Несколько раз отца призывали на службу, потом демобилизовали, он устраивался на работу, но через короткое время его опять призывали. Я не знаю точно, но не менее трех раз — до войны. В промежутках между службой он перевез в Ленинград свою маму, а также женился. Родились две дочки. Летом 1941 г. их отвезли на отдых в деревню, но началась война, девочки оказались на оккупированной территории. Папа был на фронте, потом два ранения и контузия, госпиталь. В это время брак распался. Только через несколько лет удалось вернуть дочек в Ленинград. Папина мама умерла в блокаду. Много лет от меня вообще скрывали, что папа был раньше женат и у меня есть старшие сестры.

После войны несколько лет отец оставался военным, но потом его демобилизовали, как и огромное число военнослужащих. С работой были проблемы, тем более, что настоящей гражданской профессии он так и не приобрел. В общем, он остался полувоенным на всю жизнь: работал сначала зам. начальника охраны электростанции, потом начальником охраны другой электростанции. На последнем месте работы за многолетний непрерывный труд получил для семьи 2х-комнатную квартиру. Это единственное, чего он достиг в жизни, поэтому очень гордился и периодически, когда ему казалось, что его недооценивают, кричал, что квартира — его, мы в ней — приживалы, он может всех выгнать. Вообще квартирный вопрос испортил ленинградцев не меньше, чем москвичей. Всю жизнь отец попрекал маму и бабушку тем, что прописал их после войны в свою комнату.

Петроградская Сторона, улица Большая Зеленина, второй двор, низкий первый этаж — солнце туда никогда не заглядывало. Я прожила в этой коммуналке до 13 лет: 4 комнаты — 4 семьи, 12 человек, в комнатах печное отопление, в коридоре, кухне и туалете — никакого. Единственный кран, с холодной водой, — на кухне, здесь и мылись, и готовили, и стирали. Сначала готовили на керосинках, потом провели газ: одна плита — четыре конфорки, по одной на каждую семью. Готовить обед бабушка должна была в несколько приемов, простаивая на холоде по многу часов. Холодильника не было. Каждый день бабушке приходилось обходить все окрестные магазины и выстаивать в очередях продукты. Меня она брала с собой, чтобы «дали на двоих». С тех пор меня тошнит даже от маленькой очереди. (В 80—90-е годы, когда вернулась эпоха очередей, у меня была отмазка: «я на работе», а бедной мамочке приходилось проводить по многу часов, «отоваривая талоны»).

Один раз в неделю ходили в баню — не как теперь — развлечься, а просто помыться. Кто-то приходил раньше и занимал очередь. Остальные присоединялись часа через полтора — очередь как раз подходила.

Бельё стирали в корыте с помощью стиральной доски, потом тащили сушить на чердак 6-этажного дома. Весь чердак был увешан веревками, крали почему-то редко. Постельное бельё в таких условиях выстирать вообще было невозможно, его сдавали в государственную прачечную, зимой было легче — тюки возили на саночках.

Главная бытовая эпопея — дрова. За тремя корпусами нашего дома начинался мир дровяных сараев. Огромное пространство двора было застроено самодельными разнокалиберными сараями — отдельно для каждой семьи. Для детей лабиринт проходов между ними был основным местом для игр. Зимой насыпало столько снега, что до крыш могли добраться даже малыши. Иногда гнилые крыши проваливались, но не помню, чтобы кто-то поломал руки — ноги. Просто купить дрова было невозможно, их «доставали» с большими трудностями, привозили, сами пилили — кололи и хранили в сараях. Папа с мамой каждое лето пилили 2-ручной пилой раздобытые 4 кубометра бревен, потом папа их колол, убирал в сарай и каждую неделю приносил в комнату огромную вязанку, укладывая дрова за печку. Топили один раз в день — часа в 4, к вечеру дымоход закрывали, к утру печка остывала и вылезать из постели было холодно, как, впрочем, и умываться холодной водой в нетопленной кухне.

Однажды, лет в 9, мы с бабушкой жили на даче. В среду утром, я точно помню, бабушка рассказала, что ей приснилось, будто ночью у нас дома полыхал огромный пожар. Это было совсем не похоже на мою бабушку: она не верила ни в бога, ни в черта, ни в вещие сны, ни в какие забавоны. Однако в субботу приехала мама и рассказала, что именно в ту ночь сгорело всё наше море сараев. Потом каждый, как мог, восстанавливал из обгорелых досок своё сокровище.

Когда мы в 1959 г. получили новую квартиру, в нашу комнату переехал кто-то из очередников — работников той же электростанции. И как ценнейшее приложение к комнате папа передал ему ключ от нашего сарая.

Через несколько лет после переезда я заглянула в свой старый дом. Там многое изменилось: главное — провели паровое отопление. Вместо сараев — окультуренный чистый двор.

Интересное совпадение: еще через много лет, перед выходом на пенсию я работала в организации, построившей именно здесь свое основное здание. Правда, судьба не до конца замкнула круг и не вернула к дому детства: подразделение, в котором работала я, размещалось в другом районе.

Наша семья жила небогато и по тогдашним масштабам, а по сегодняшним представлениям — просто бедно, даже в благополучные годы, т.е. когда и мама, и папа имели работу. Потом я узнала, что отец платил алименты на 2-х дочерей, да и вообще зарплата родителей была невысокой. Бабушка пенсию не получала, т. к. не имела трудового стажа, а пенсии за мужа добиться не смогла — документы пропали в блокаду.

Несмотря на материальные трудности, считалось необходимым вывозить ребенка, т.е., меня, каждое лето на дачу. Иногда удавалось расплатиться с хозяином «по бартеру»: отцу каждый год выдавали офицерское обмундирование, которое вполне устраивало сельчан того времени.

Дача — это, разумеется, не дом, а комнатка, в которой летом жили мы с бабушкой, а на выходные приезжал кто-то из родителей. И это был не воскресный отдых (тогда был один выходной день в неделю), а тяжелый труд по доставке нам продуктов. На месте их невозможно было купить в минимально достаточном ассортименте. Продукты покупали в течение недели, по возможности, готовили так, чтобы хранить без холодильника, и привозили. Заранее, зимой, доставали и запасали консервы. Дача снималась где-нибудь подальше, с плохой транспорт-

ной доступностью, зато дешевле. В те годы под Ленинградом хозяйки часто держали коров, мы с бабушкой каждый день ходили с бидоном за молоком, делали простоквашу, творог, сметану.

Кроме продуктов мама каждый выходной привозила мне сетку с книгами. Я ставила посреди луга раскладушку и целыми днями читала. Книжки были замечательные — мама знала, что мне нужно, и знакомила с мировой классикой, дополняя своими комментариями. Самое главное, что источник книг был неограниченный и всегда под рукой (мама тогда работала в Библиотеке Академии Наук, а сотрудникам разрешалось многое брать на домашний абонемент). Потом дошло до того, что я сама приезжала в БАН и брала на мамин абонемент, что хотела. Это меня очень избаловало, впоследствии я оказалась совершенно не готовой самостоятельно гоняться за беллетристикой, поэтому с современной художественной литературой знакома фрагментарно. При этом профессиональную — систематически покупала, стараясь ничего не пропустить — благо, тогда книжки были дешёвы.

Мама была сторонницей коллективного воспитания: в 4 года отдала меня в детский сад — с выездом на дачу. Никаких положительных эмоций в моей памяти с этим эпизодом не связано: зимой вставать «ни свет, ни заря», плестись в темноте, чтобы в 8 утра влиться в родной коллектив, вовремя съесть подгоревшую кашу и «кофе» с молочными пенками, проводить время в шумной комнате, в ней же ставить раскладушки и мучительно ждать окончания тихого часа ... Бррр!!! Летом вышло послабление: после моего первого бунта, как девочке упитанной, мне разрешили в тихий час не спать, а тихонько играть. Но всё равно — брррр!!! Меня спас коклюш, напавший на нескольких детей. Помню, как нас увозили с детсадовской дачи в телеге с лошадей. Я болела дома, долго кашляла, потом мне прописали прогулки на влажном воздухе и папа выгуливал меня на Крестовском, Каменном и других островах, по берегу Финского залива, на безлюдном пляже (был уже глубокий несезон). Больше в детсад меня не водили.

Один раз, когда с деньгами было совсем тяжело и дачу снять не смогли, меня устроили «на площадку»: в ЦПКиО (поблизости от нашего дома) был организован, как это позже стало называться, городской дневной детский лагерь. Мы гуляли по огромному парку, играли на аттракционах, несколько раз ездили на экскурсии по городу. В общем, я была довольна, но бабушке или папе приходилось каждый день привозить — увозить меня.

Чуть позже оказалось, что это была лишь тренировка перед 2,5-летним марафоном. 1 сентября 1953 г., все идут в школу, а меня в 1-й класс не принимают, т. к. не хватает 3-х месяцев до 7 лет. Однако я категорически не желаю сидеть дома с бабушкой, вернее, проводить с ней время в очередях. Я умею читать, считать, голова требует развития. И мама, «борец за правду», ведёт меня в РОНО, в кабинет не кого-нибудь, а самого завРОНО. Уж не знаю, как удалось прорваться, но я стою посреди кабинета и реву: «хочу в школу». Это был уже второй из моих бунтов. Мне было объяснено, что все места в ближайших школах заняты. Если так уж невтерпеж, есть место на Крестовском острове, в школе-7-летке № 43. К удивлению завРОНО, я согласилась, а бедные родители и подумать не смели, чтобы погасить жажду ребенка к знаниям, и самоотверженно возили

меня 2,5 года каждое утро в школу на Крестовский остров, а через несколько часов – обратно. Иногда – папа, который работал тогда сутками, иногда – бабушка, реже – мама.

Моя первая учительница, Вера Ивановна Ермолаева, была глубоко пенсионного возраста, и после выпуска нашего класса из начальной школы она вышла на пенсию. У читателей, более требовательных, чем она, я за всю свою жизнь не встречала. Всегда строгая темная одежда, по праздникам оживляемая орденом Ленина и белым воротничком с вышивкой «ришелье». Очень высокие требования и к самому процессу обучения, и к стилю, и к участию родителей в делах класса. С родителями Вера Ивановна разговаривала так же строго, как и с первоклашками. При этом речь шла не о сборе денег или ремонте, как бывает сейчас. Вера Ивановна была уверена, что выполняет самое важное на свете поручение своего государства – воспитание нового поколения – и имеет все соответствующие полномочия. Очень быстро изучив потенциал каждого родителя, она придумала, как извлечь пользу для жизни класса: кому-то поручала сопровождать детей в театр, кому-то было строго – настрого велено «до завтра» сделать столько-то плакатов для урока русского языка и т.д. Достижения и неудачи каждого ученика практически ежедневно сообщались родителям для принятия оперативных мер. В таких условиях ученики просто были вынуждены осваивать всю учебную программу без пропусков, невзирая на болезни и другие обстоятельства.

Постоянно находиться под таким прессингом было очень тяжело. К тому же, требования к родительскому участию всё время росли, Вера Ивановна была искренно уверена, что нет ничего важнее того, что нужно именно её классу и именно к завтрашнему утру. Разумеется, я училась хорошо, но к середине 3-го класса у нас лопнуло терпение, и меня, наконец, перевели в 44-ю среднюю школу – недалеко от дома, на попечение молоденькой веселой учительницы Ирины Васильевны в цветной одежде, предъявлявшей к школьникам умеренные требования. Участие родителей вообще ограничивалось знакомством с дневником – один раз в неделю и посещением собраний – один раз в четверть. К тому же, наконец, отпал тяжкий груз – ежедневное сопровождение ребенка в школу. Сейчас я думаю, что таким образом зимой 1955–56 гг. свежий ветер перемен додул и до нашей семьи.

Пожалуй, последний раз участие родителей в моей школьной жизни проявилось, когда я переходила в 5 класс. Прощай, привычная жизнь под крылышком одной учительницы. Здравствуй, предметное обучение: алгебра, физика, биология, литература, русский... но, как оказалось гораздо позже, главная проблема – иностранный. Из 4-х параллельных пятых классов в 3-х преподавали английский, а в одном – немецкий. И моя филологическая мамочка рассудила, что ей знание 5 языков ничего, кроме неприятностей, в жизни не принесло, и мне оно тоже никогда не пригодится. Так пусть она хотя бы сможет помочь мне в учебе (немецкий она знала, а английский – нет), и меня отдали в немецкий класс. Но филолог – не политолог и не социолог. Мамин прогноз оказался неверным: я всю жизнь страдала из-за незнания английского, а немецкий никогда мне не понадобился, как, впрочем, и мамина помощь в его освоении.

Кстати, примером: «мама, я и усвоение иностранных языков» – можно иллюстрировать тему «сенситивные периоды» в курсе психологии. Маме языки давались легко. Даже слово «учила» не подходит, с таким удовольствием она это

делала. Сначала в дошкольной прогулочной группе с воспитательницей — немкой, потом — в школе, потом в университете и в общении с испанками — воспитательницами испанских детей, привезенных в Ленинград во время испанской войны. И в университете, что очень важно, старая строгая преподавательница, с дореволюционным опытом, учила их латыни. Это позволило маме легко усваивать языки и впоследствии иногда объяснять мне происхождение слов, прокладывая мостики между словами из разных языков, после чего забыть их было уже невозможно. Мне, совершенно очевидно, по наследству передались мамини языковые способности, чувство языка. В детстве, слушая радио, я легко, с 1 — 2-х фраз, определяла, на каком языке идет разговор, совершенно не зная сам язык. И в школе я никогда не учила свой немецкий, одного присутствия на уроке было достаточно для отличных оценок. Но тут-то и крылась ловушка: не было необходимости развивать навык, а без его использования сенситивный период для освоения языков закончился. После школы, увидев, что в работе необходим английский, я несколько раз бралась за его изучение, но волшебная дверка уже тихо закрылась: стало проблемой запоминать слова, но главное — «несъедобным» оказался интонационный строй, фонетика чужого языка. Прилагать усилие «с непривычки» я поленилась, английский так и не выучила, даже буквы латинского алфавита озвучиваю именно как латинские, а не английские, как сейчас принято, — иначе не могу себя заставить.

Незадолго до окончания 6-го класса, в 1959 г., состоялось самое главное событие в жизни семьи: мы получили квартиру!

В какой район города Вы переехали? Как там потекла жизнь Вашей семьи? Что за школа попала?

Мы переехали с Петроградской Стороны в пролетарский Кировский район, где папина электростанция построила дом для своих работников. Теперь папе больше не нужно было внезапно по ночам выезжать через весь город на работу, если что-то случалось, или на проверку. Зато маме приходилось каждый день тратить на дорогу до работы 3 часа (в оба конца). А мне надо было опять переходить в другую школу. Это событие значимо для меня тем, что я, шестиклассница, впервые не только подняла бунт, но и сама, без всякой помощи родителей, добилась нужного мне решения. И родители восприняли это как само собой разумеющееся!

Я съездила в старую школу, забрала документы и отправилась сдавать их в ближайшую, 388-ю школу — напротив нашего дома. Но не тут-то было: немецкий класс оказался переполнен — 46 учеников, и директриса, Наталья Ивановна Бычкова, категорически отказалась меня принимать. Тогда, вооруженная предыдущим опытом, я пробилась к зав. РОНО, предъявила приличного вида табель и категорически заявила, что нелепо в школу куда-то ездить, если ближайшая — напротив дома. Зав. РОНО согласился, прямо при мне позвонил директрисе, похвалил мой табель и попросил взять меня 47-й ученицей в немецкий класс. С этого момента и до окончания школы я чувствовала себя врагом директрисы. Как продукт и, одновременно, инструмент тоталитаризма, она просто не могла допустить, что в «её школе» что-то происходит помимо её воли. Зато мне не нужно было по утрам никуда ездить. Я могла выходить из дома за 5 минут до начала занятий, перед уроком физкультуры — забегать домой за лыжами и лыж-

ным костюмом (тогда зимы были холодными и вся 3-я четверть на уроках физкультуры отдавалась лыжам). И вообще все дальнейшие школьные годы чувствовала себя победителем. Еще год, до выпускных экзаменов за школу — семилетку, наш класс в любом случае был бы переполнен, поэтому я не чувствовала за собой никакой вины.

Мне понравилось отстаивать свою точку зрения, и со мной ничего не могли сделать. А всего-то нужно было — прилично учиться, не отлично, а только прилично! При этом руководству очень повезло, что я не была заводилой, никогда не призывала одноклассников к бунту, мне они казались слишком послушными, как я сейчас бы сказала, с недостаточно развитым самосознанием. Я чувствовала потребность доказывать свою личную правоту, но не потребность быть лидером. А доказывать было что. Для примера: думаю, не только в нашей школе практиковались «линейки» — внезапно выстраивали учеников вдоль коридора и проверяли их внешний вид, смачно критикуя крамольные отступления, нет — не от официальных правил, а от личного представления директрисы о приличиях. Интересно, что никому — ни ученикам, ни учителям — не бросалась в глаза вся нелепость требования: не пускать в школу учеников, «забывших дома» пионерский галстук, а позже — девочек в капроновых (а не простых!) чулках. (Сейчас, если не третьеклассник, то уж точно — пятиклассник возмутился бы и не постеснялся спросить, какое дело администрации до атрибутов принадлежности подростков к общественной организации). Такая модель отношений поощрялась и доминировала на всех уровнях. солдафонский стиль директрисы разделялся большинством учителей.

Тем выше мы ценили немногих «иных» учителей, прежде всего, учительницу литературы, не просто допускавшую, но стимулировавшую дискуссии и на своих уроках, и после них. Предлагая остаться и обсудить острые вопросы, мы — эгоисты — не понимали, что ворует у нее досуг, удовлетворяя нашу потребность выговориться, Леонилла Петровна Сермягина тихо, без деклараций, формировала у нас одну систему ценностей, а большинство остальных учителей — другую. Весьма успешно, например, шло усвоение двойной морали. Тренировки происходили каждую неделю на политинформациях, причем каждый ученик, в порядке очереди, должен был подготовить материал и провести такое занятие. Сохранить свою точку зрения, но не высказать ее — прекрасная тренировка. Огромное воспитательное значение имела наглядная агитация. До сих пор помню стенд с докладом секретаря ЦК КПСС Ильичева на июньском (1963 г.) пленуме по идеологии и хором одобрямса. На этом же стенде вывешивалась всякая ругань вокруг деятелей культуры и искусства тех лет — кумиров молодежи. Как бы мы дальше жили без такой закалки!

По-прежнему основным и любимым моим занятием было чтение. Но не только. К этому времени мама перешла работать из БАН в один из филиалов — библиотеку Ботанического института АН. Я ездила гулять в Ботанический сад, много раз бывала в оранжереях, стала чувствовать растения, их состояние, потребности... А в БАНе с маминого абонемента стала брать не только беллетристику, но и книги по биологии, философии, истории. Однако в БАН ездить было далеко, я пробовала пользоваться районными библиотеками, но они меня не устроили. Зато прямо «под носом» оказалась школьная библиотека, в которой я паслась не только после уроков, но, зачастую, и вместо них, скрываясь

среди стеллажей. Чтобы числиться в библиотечном активе и быть допущенной к стеллажам, надо было отвечать за порядок в какой-то их части. Я выбрала иностранную беллетристику. Зав. библиотекой, Александра Ароновна, была очень образованным, эрудированным человеком, каждую неделю она ездила в отдел комплектования школьных библиотек, а потом мы радовались поступлению новых интересных книжек. Когда я училась в старших классах, толстые журналы публиковали мемуары Эренбурга, Паустовского. Такие номера журналов на дом не выдавались, я всё читала в зале. Там же знакомилась с новой поэзией.

Однажды мы с бабушкой случайно оказались на даче в очень странном доме: вроде бы, совсем близко от пос. Репино, рядом с магистральным шоссе, но в то же время — на отшибе. С дороги не видно, дом один, вокруг — лес, даже электричества нет, вечером жгли свечи. Воду брали из вкопанных в землю бочек, там же сберегали продукты. Хозяйки: две женщины — мать, лет 55–60, и дочь, лет 30–35. Поскольку других развлечений не было, я прочла все свои книжные запасы быстрее, чем планировалось, и попросила хозяйскую дочь дать что-нибудь почитать. Оказалось, что у них из книг есть только библия. Как раз ее-то мне и не хватало. Издание было не старинное, но старое, пропитанное каким-то церковным ароматом. И вообще какое-то особенное. Я прежде библию не видела, доказательств у меня не было никаких, но что-то в книге было «не так». Позже, вспоминая мелкие бытовые подробности, я подумала, что, наверно, наши хозяйки были сектантами, чем определялся и их замкнутый образ жизни. Вернувшись в город, я хотела заказать в БАНе библию и сравнить ее с той, что я видела на даче. Однако домой мне библию не дали — зачем школьнице дома библия!

Моя новая школа, как оказалось впоследствии, давала приличное образование для будущего технаря, позволившее практически всем выпускникам поступить в вузы. Но до лучших гуманитарных школ центра города нам было далеко — и территориально, и содержательно (я убедилась в этом позже, во время учебы в университете). Однако это вполне устраивало и ребят, и их родителей. в средних классах социальный состав семей был типичным для нашего района: рабочие и техническая интеллигенция — в сопоставимых пропорциях. После окончания семилетки, а потом — и восьмилетки, соотношение изменилось: несколько ребят из рабочих семей ушли в училище или прямо на производство, а в 9-й класс из других школ Кировского района, в которых ликвидировали старшие классы, пришли дети из семей технической интеллигенции.

На нас закончилось время школ — семилеток. После 7-го класса мы сдавали два выпускных экзамена, оба — письменные: русский и математика. Сейчас никто не поверит, но оценки по русскому оказались блестящими, даже у самых слабых учеников. Как жаль, что нет видеозаписи уроков нашей учительницы русского языка Евгении Игнатьевны. Мы были ее последним выпуском перед выходом на пенсию. Энергичная, подтянутая, даже сухонькая, седая стрижка по моде 20-х годов. Ее методика преподавания отличалась от всего, с чем я встречалась потом. Евгении Игнатьевне не мешала переполненность класса. Весь урок проходил в напряжении. Секрет успеха состоял в следующем: в течение всего урока — внимательно следить за каждым словом учителя и учеников, т. к. в любую секунду надо быть готовым включиться в разговор, быстро отбарабанив любое правило, независимо от того, как давно «мы это проходили». Поэтому,

не желая получить кол, перед каждым уроком русского каждый ученик без всякого напоминания был вынужден повторять все параграфы, пройденные за 5-й — 7-й классы. Каждый ученик на каждом занятии получал оценку, а чаще — несколько. Никакие общие заслуги в расчет не принимались, зато любой записной двоечник мог украсить свой дневник пятеркой по русскому. Тогда мне всё это казалось глупой муштрой, после прочитанного «моря» беллетристики я вообще не нуждалась ни в каких правилах и просто чувствовала, как надо написать данное выражение. Но мало ли, кто что чувствует! Методика заставляла любого становиться грамотным. Ученик мог ничего не смыслить в математике, не интересоваться ни литературой, ни географией, вообще ничем, но с каким удовольствием он получал честно заработанную пятерку по русскому! Вот так преподавателю старой школы удавалось навязать грамотность детям из рабочего района. Я это не ценила, пока через 20 лет не столкнулась с дикой и всё возрастающей неграмотностью студентов. Просто невозможно было понять смысл подаваемых работ, пока не исправишь в тексте миллион ошибок. Оставалось наивно удивляться: как же они поступили в вуз? Я понимаю, что сейчас у молодежи «глаз замылен» неграмотными текстами в интернете, но быть настолько зависимым?!

В 9-й класс поступали заново, по конкурсу документов. На весь огромный Кировский район оставили всего пять школ, имевших 9 — 11 классы. Ребята, не попавшие в них, должны были продолжать учебу в ПТУ, техникуме или вечерней школе (а значит, обязательно работать). То была эпоха трудового обучения: каждая школа, кроме общеобразовательных предметов, обучала школьников нескольким профессиям — на выбор, в основном, рабочим. В 3-х старших классах два дня в неделю уходило на теоретические и практические занятия по этой профессии. Из-за этого общее время обучения увеличилось с 10 до 11 лет. В нашей школе мальчики могли освоить профессии слесарей и станочников по металлу, а девочки — в зависимости от успеваемости — продавцов продовольственных товаров, швей или чертежниц. Другие «чертежницы», как и я, выбрали из возможных зол меньшее — все-таки потом могло пригодиться в техническом вузе. В соответствии с модой на трудовое обучение, занятия принципиально проходили на производстве. На заводе рядом с моим домом был оборудован класс, где мы слушали теоретический курс, а также выполняли практические задания. Мальчикам там же оборудовали учебные участки. В конце обучения мы одновременно с аттестатом зрелости получили свидетельство о том, что освоили, например, специальность «чертежник — детализировщик» или «слесарь такой-то специализации и такого-то разряда». Почему необходимо было загонять нас за проходную? То же самое мы могли делать и в школьном классе. Неужели — именно, чтобы привыкали к проходной, режиму, виду завода изнутри? Почти никто из моих одноклассников после школы не работал по этим специальностям. В общем, всем было очевидно, что затея с трудовым обучением — безумно дорогая, нелепая и никому не нужная. Мы окончили школу в 1964 г., а в 1966-м от школ — 11-леток вернулись к 10-леткам, изменив акценты, постарались придать трудовому обучению профориентационный, ознакомительный характер — уж не знаю, насколько успешно.

Изменение социального состава семей моих одноклассников заметно отразилось как на их внешнем виде, так и на сфере интересов. Например, школьная форма оставалась обязательной, но многие девочки шили ее на заказ,

а не покупали продукцию фабрики «Большевичка». Мальчики вообще редко появлялись в форме, сменив ее на приличный костюм и галстук. В общем, проявилось стремление к индивидуализации, каждому хотелось выглядеть отличным от других. То же — и в высказываниях на занятиях (кроме откровенно слабых учеников). А у меня случился третий бунт. В общем, ничего особенного, если бы не реакция мамы. Нам по литературе задали сочинение, тема которого показалась мне совершенно неприемлемой, и я, не смотря на уважение к любимой учительнице, сочинение не сдала. Это не было демонстрацией, я просто не могла, у меня мысли в эту сторону не поворачивались, рука не могла управлять авторучкой. И я, после всех своих пятерок, схлопотала кол. Ну и ничего особенного — дело житейское. Зато на душе стало спокойнее от согласия с самой собой. Но Леонилла Петровна, как добросовестный педагог, вынуждена была снизить мне оценку в четверти до четверки. Ну и подумаешь, не в аттестат же! Но когда моя филологическая мама на родительском собрании увидела эту четверку, она еле дошла до дома и буквально упала в обморок в прихожей. От меня никогда не требовали быть отличницей, но святая литература...! Интересно, что, как проговорила однажды сама мама, она тоже иногда бунтовала на работе, выступая «за правду», защищая коллег, — но не себя.

Вот так начиналась наша жизнь в старших классах. Я росла индивидуалисткой. Даже в комсомол не вступала, чтобы оставаться самой по себе, не брать на себя лишние обязательства, чтобы не приставали со всякими глупостями и формальностями. Так, подавая вступительное заявление в комсомол, каждый проходил тренировку в лицемерии: «хочу быть в передовых рядах строителей коммунизма». Дело шло к 15 годам — по всем канонам педагогики и психологии — возраст тусовочный. Но вокруг меня в этом плане на горизонте не было видно ничего интересного. А лишь бы влиться в какую-нибудь группу — это было не для меня. И вдруг!

Однажды, в конце 9-го класса, в 1962 г., заходит ко мне соседка, ученица параллельного класса, и предлагает поехать летом на месяц в палаточный трудовой лагерь старшеклассников Кировского района — на берегу реки Луги. (Сама соседка в лагерь не поехала. Формально она считалась активисткой и, выполняя комсомольское поручение, агитировала других, но на самом деле была еще большей индивидуалисткой, чем я).

До этого момента я летом дважды ездила на месяц в пионерлагерь Академии наук. Но тогда я была на 3—4 года младше, там был довольно серьезный режим, правда, не такой казарменный, как в других пионерлагерях, да и вожатые — только из университета. Но однажды я на зимних каникулах оказалась в пионерлагере Ленэнерго, вот это был «полный атас»! Тут-то я впервые столкнулась с чуждой социальной средой: агрессивность, хамство, неразвитость интересов — в сочетании с непробиваемой самоуверенностью. Когда папа приехал меня навестить, я категорически заявила, что не останусь здесь больше ни дня, и мы уехали вместе.

Однако новое предложение выгодно отличалось: обещали, что в лагере будет самообслуживание и самоуправление, каждый день четыре часа — работа на полях местного совхоза, а остальное время — наше. И я решила попробовать съездить. Мама, сторонница коллективного воспитания, была довольна.

Да, помню, было такое начинание... что Вы там встретили? Каким было то лето?

Как и абсолютное большинство ребят, отправляясь в лагерь, я не представляла себе, как там будет. Через несколько дней я уже знала, что молодежный трудовой лагерь формально организован и существует под крылом Кировского РК ВЛКСМ, но начисто лишен стандартного «комсомолизма». Было 6 отрядов: 5 — от каждой из школ — 11-леток Кировского района и 1 — от ПТУ. Во главе отряда стоял избранный командир. Как я узнала позже, в каждый отряд была включена «нагрузка» — парочка «трудных» подростков, но, главное, в каждом отряде был кто-то из «совета друзей» — «закоперщиков», истинного актива, членов «коллектива в коллективе», вдохнувших душу в краткосрочную совместную жизнь 150 подростков. В нашем отряде это была Рита Жамкочьян. Как и все ребята нашего отряда, она была на 1 класс старше меня. До приезда в лагерь я практически ни с кем не была знакома, а тут с первых дней почувствовала особую ауру вокруг неё. Всё, что она говорила и делала, и как она говорила и делала, было отмечено печатью творчества, таланта и того, что, как я узнала позже, называется харизматичностью. Окружающие это чувствовали и откликались.

Очень быстро из аморфной массы была сформирована сложная многослойная, как по вертикали, так и по горизонтали, структура и провозглашена коммуна. Почему коммуна? Да потому что молодежи надоели формализм, ложь, двойная мораль, обязателька. Привлекательной моделью становилась та, которую через несколько лет называли «социализмом с человеческим лицом», а пока искали название такой модели, которая, в отличие от привычной, включала бы «путь к светлому будущему, но — без черных пятен недавнего прошлого и настоящего».

В то, первое коммунарское лето мне еще не была видна направляющая и формирующая деятельность «совета друзей». Что такое «метод параллельного педагогического действия», как и многое другое — в теории и на практике, я узнала позже. Мы, рядовое население палаточного лагеря, сначала просто знакомились друг с другом, с распорядком лагерной жизни, с окружающим пространством.

Взрослых людей на платных должностях было немного: начальник лагеря, (директор одной из школ района), замполит (В. М. Рендаков, лидер «совета друзей»), вожатые отрядов (студенты, тоже из «совета друзей»), водитель грузовой машины, может быть, еще кто-то — не помню.

Организацией и распределением работ занимался совет командиров. Работы были разные: хозяйственно-бытовые (дежурство по кухне, охрана лагеря и пр.), сельскохозяйственные — для совхоза, на чьем лугу стояли наши палатки, а также поездки по округе с концертами и др. В первую половину дня мы работали на полях, а после обеда отдыхали, благо, всегда к нашим услугам с одной стороны от лагеря — река Луга и лодки, с другой — лес и полянки. А вечером — костер, где — не только песни под гитару, но и «общий сбор» — «разбор полетов», обсуждение планов на завтра.

Сейчас, через 53 года, я уже не помню, кто в каком году был председателем совета командиров, но мне запомнился в этой роли Толик Загустин, воплощение надежности. Всё, что он делал, было продумано, взвешено и просчитано.

Жизнь в лагере была веселая и в меру дружная, т. е. — без принудительного единения, как обычно бывало в детских лагерях.

Не только мы ездили в гости с концертами. Однажды, например, до нас дошёл отряд пионеров. Этот поход организовал и возглавлял вожатый, инженер завода, от которого был их пионерлагерь. Так мы познакомились с Мишей Борщевским.

Я чувствовала, что в лагере действуют какие-то подводные течения, иногда переходившие в открытый конфликт между начальником лагеря и активом, но рядовых ребят это прямо не касалось, вплоть до завершения лагерной смены, которая длилась один месяц. И вдруг, когда оставалась пара дней до конца, начальник лагеря объявил, что автобусов для одновременного отъезда всех ребят не будет, надо разъезжаться частями, «как получится», т.е. достойного завершения лагерной жизни организовать не удастся. За месяц родился новый замечательный коллектив – и вот такая пощечина! Было очень обидно и несправедливо, особенно – по отношению к членам «совета друзей», вложившим в коммуну всю душу. И тут мой индивидуализм лопнул, прорвался и отвалился, исчез на годы. Я набралась смелости, подошла и спросила, чем могу помочь. Уж не помню, что мне в тот момент поручили, но потом, после возвращения в город, меня в первый раз позвали на собрание «совета друзей».

Я тогда перешла в 10 класс 11-летней школы. Осенью 1962 г. в «совет друзей» пришло новое пополнение. Среди них впоследствии самой известной стала Галя Старовойтова. Среди старших – Миша Борщевский и несколько студентов разных вузов.

Раньше самыми младшими в «совете друзей» были ребята, которым предстояло в будущем году окончить школу и летом поступать в вузы, поэтому они могли участвовать только в подготовке следующего летнего лагеря, но не в его проведении. Вновь пришедшие были на год младше. За зиму нам предстояло пройти обучение и подготовиться к организации деятельности коммуны летом 1963 г.

За зиму 1962–63 гг. у нас произошло ... нет, мы подготовили и провели несколько совместных мероприятий с нашими коммунарами. Больше других мне запомнился лыжный агитпоход во время зимних школьных каникул по различным населенным пунктам Тихвинского района Ленинградской области. Собственно, никакого «агит» не было, просто подготовили концерт художественной самодеятельности и поехали, взяв из прошлого традиционное название. Я не занималась организацией похода – была лишь рядовым участником, но сейчас пытаюсь и не могу вспомнить кого-нибудь из взрослых, отвечавших за транспорт, ночлег, питание, здоровье двадцати с лишним подростков, далеко не спортсменов – лыжников, которые отправились по незнакомому маршруту в 20-градусный мороз. Зато помню Аллу Торопову, 11-классницу, которая в ситуации ответственности, руководства быстро и уверенно, по-комиссарски, справлялась с какими-то, на мой тогдашний взгляд, совершенно не решаемыми задачами. Что касается меня, то не представляю, какая другая ситуация заставила бы меня съехать на лыжах с высокого довольно крутого берега реки, но все съехали, не могу же я всех задерживать!

Включая ребят всех школ района в совместную деятельность, мы не просто поддерживали связь с ними, но укрепляли и разнообразили их связь между собой, подготавливали жизнь будущего, второго лагеря. Если в первом лагере я была потребителем, то во втором – одним из рядовых, но активных соучастников.

А потом, как одно мгновение, пронеслись 2 года, определившие дальнейшую жизнь участников этого уникального коллектива, созданного В. М. Рендаковым. К моменту нашего знакомства «совет друзей» уже действовал не менее 2-х лет. В разное время в него входило от 7–8 до 14–15 человек, возраст: от 32 до 15 лет, студенты и школьники, двое старших – инженеры.

Как бы Вы осмыслили всю эту многоаспектную деятельность? Что же вас всех объединяло?

Что нас объединяло? Целый комплекс переплетенных между собой «внешних» и «внутренних» целей, которые мы разделяли, а также методов работы, адекватных нашему возрасту, стадии социализации, потребностям. При этом мы были и субъектом, и объектом деятельности.

Среди «внешних» целей:

- Осень 1962 г. Ветры перемен обдували и поддували с самых разных сторон. Такая атмосфера вызывала ожидание и желание перемен, ощущение невозможности жить дальше по-старому и желание перетряхнуть пыльную рухлядь одуряющего, устаревшего жизненного порядка, который связывал по рукам и ногам, мешал рождению любой свежей мысли, проявлению любой инициативы.

- Желание играть активную роль в формировании у наших сверстников группового поведения и сознания как инструмента воспитания у них системы ценностей «человека завтрашнего дня».

- «Внутренними» целями, конечно, были:

- Существование в комфортной среде, среди друзей, понимающих и ценящих тебя, ощущение поддержки и надежности.

- Постоянное повышение уровня нашей теоретической и практической психолого-педагогической компетенции.

- Самореализация каждого участника внутри своего коллектива в процессе совместной деятельности.

Как мы реально этого достигали? На основе принципа перспективных линий (по А. С. Макаренко) намечалась внешняя канва деятельности (с участием ребят, побывавших в лагере, и новичков), а также наш план подготовки каждого из этих мероприятий. Всё это происходило в ходе еженедельных собраний. Каждый участник, выполняя персональное поручение, каждый раз готовился – что-то придумывал, советовался, читал литературу и т. д. На собраниях каждого слушали, критиковали, поддерживали, помогали, определяли дальнейшие шаги.

По ходу дела углублялись то в психологию, то в педагогику, то в труды классиков. В те времена на русском языке не было никакой литературы по социальной психологии. По педагогике, кроме Макаренко, – сплошная вода, а о роли средств массовой информации следовало читать Ленина. Таким образом, наша деятельность буквально лбом ударяла нас в проблемы, не изученные теоретически (как нам тогда казалось) и трудно решаемые практически. А решать-то надо было! Брать на себя ответственность, набираться смелости и совместно решать. И делали. Удивительно, но делали без содержательной взрослой помощи, только

с минимальной организационной поддержкой. И, естественно, сами становились всё сплоченнее, крепло чувство уверенности во взаимной поддержке. Всё больше это распространялось и на другие сферы нашей жизни.

Когда я писал статью о Галине Старовойтовой, ее сестра Ольга Старовойтова достаточно обстоятельно рассказывала мне о коммуне. Вы один раз были в лагере или был и второй заход?

Выше я говорила о первом лагере, летом 1962 г. Теперь расскажу о нашем втором лагере, летом 1963 г. Ольга на 2 года моложе, она была только во втором лагере и — одной из самых младших. А мне повезло: если в первый раз я была потребителем того, что придумал и организовал «совет друзей», то во второй — одним из активных соучастников жизни коммуны. С тех пор прошло более 50 лет, забылись многие фактические подробности нашей жизни, помнится только основной смысл и эмоциональный фон.

Из фактической канвы. На удивление, совершенно не помню начальника лагеря. Только заглянув в воспоминания Р. Я. Старовойтовой, Галиной и Олиной мамы, которая приезжала в лагерь, я заново узнала, что начальником лагеря был директор школы со спортивным уклоном. Очевидно, он учел недостатки своего предшественника и выбрал самую безобидную тактику: ни во что не вмешивался и занимался рыбалкой. Вожатые отрядов были членами «совета друзей», что позволило использовать все зимние наработки и реализовать наши планы. Замполитом был Миша Борщевский.

Я помню, как перед отъездом росла гора будущего имущества лагеря, занимающая всё пространство Кировского РК ВЛКСМ. Мы, освоив старинную пишущую машинку, составляли письма от имени РК на разные советские предприятия и в организации с просьбой выделить (передать во временное пользование или подарить — в порядке шефской помощи) палатки, спортивный инвентарь, оборудование радиоузла, и т.д. Потом мы созванивались с соответствующими организациями, сами ездили получать и свозили всё в райком. Год назад ни я, ни родители не поверили бы, что я могу самостоятельно, в результате взаимодействия с директором какой-то базы, организовать «добычу» и доставку кухонной посуды. Помню, с какой гордостью я стояла в кузове грузовика, везущего раздобытый в строительно-монтажном управлении рулон рубероида для столовой! А ведь до тех пор самой большой радостью для меня было знакомство с хорошей книжкой. Летом я даже решилась вступить в комсомол, но — по-своему: рекомендацию получала не от двух комсомольцев, а от общего сбора коммуны, очевидно, так обозначив свою будущую роль. Интересно, что это нарушение устава никого из комсомольского начальства не взволновало.

Вообще отношение ребят к коммуне определялось скорее не какими-то рациональными соображениями, а эмоциональным фоном, атмосферой. Конечно, некоторые ребята оставались на периферии, но чем интенсивнее коммунар вовлекался в общую деятельность, тем больше он погружался в эту атмосферу. Естественно, прежде всего, это касалось членов «совета друзей».

Миша Борщевский был душой, эмоциональным лидером, и в то же время — старшим товарищем (такое отношение у меня осталось к Мише до сих пор), но не таким, у которого есть рецепты выхода из любой ситуации. Иногда приходится жить в ситуации, не имеющей выхода, или — вырваться и начинать всё с нуля. Это мало кому под силу, Мише — удалось за всю жизнь даже несколько раз.

Коммуна была полигоном, заставившим каждого выйти из своего кокона и включиться в совместную деятельность для достижения общей цели. К примеру, в первую зиму нашего знакомства, до лагеря, Галя была очень закрытым человеком, но, когда её выбрали председателем совета коммуны, жизнь заставила общаться с большим количеством ребят. Выступать вечерами у костра на общем собрании, убеждая в своей правоте, призывать всех к чему-то — тут нужна не только аргументация и логика. Это она и раньше прекрасно умела. Тут нужна харизма, да и просто голос, способный без микрофона на открытом пространстве дойти до каждого из 150 слушателей — подростков. Пригодился опыт солистки хора в музыкальной школе, Галя не только перепевала, но и переубеждала всех. Через 25 лет вся страна услышала Галину Старовойтову, выступающую перед многотысячными аудиториями. А ещё через 10 лет, в огромной очереди перед институтом этнографии во время прощания с Галей я услышала рассказы простых людей, не знакомых с ней лично, но слышавших её выступления и поверивших ей.

Иногда возникала мысль: а не перегибает ли «совет друзей» палку, особенно когда распространяет свои высокие «внутренние» требования и критерии на более широкий круг ребят. Ведь в дальнейшей жизни каждый должен уметь отстоять себя, не надеясь исключительно на помощь друзей. С другой стороны, может быть, такой коллектив нужен лишь для слабых, а сильных он тормозит? И таких вопросов появлялось всё больше.

За время, оставшееся до окончания школы, у нас сформировался круг интересов, чётко проложивший путь к психологии и педагогике (понятия «социология» в обиходе еще не было). Но это в корне противоречило установкам поколения наших родителей, которых жизнь убедила, что «надежное» будущее может быть обеспечено только на основе высшего технического образования. С такими убеждениями они воспитывали нас. И мы, как приличные ученики и благодарные дети, поступили в технические вузы, решив, что к «человеческим наукам» можно будет вернуться потом. Конечно, обучение математике, статистике, физике, освоение общего подхода к процессу обучения в техническом вузе — всё это помогло в дальнейшем, но хотелось заниматься любимым делом уже сейчас.

Первым протоптал дорожку Миша, сменивший в том же, 1964 г., в возрасте 25 лет, технический вуз и инженерную должность на учебу в университете на философском факультете. От него мы узнавали расписание интересных лекций и сбегали со своих занятий в университет, где тогда В. А. Ядов читал «Методику и технику соц. исследований», И. С. Кон — «Социологию личности» и «Основные направления современной зарубежной социологии». Там же проходили интересные выступления, защиты диссертаций. Там я впервые увидела и услышала А. В. Баранова — о предмете социальной психологии, об уровнях общественного сознания.

Через пару лет мы всё-таки рискнули забрать документы из своих технических вузов и заново сдали вступительные экзамены — в университет.

Маша, пожалуйста, напишите о том, где Вы учились, что категорически не устраивало Вас?

Летом 1964 г. я поступила на дневное отделение Ленинградского электротехнического института связи им. Бонч-Бруевича и окончила там 2 курса, т. е. прошла общую подготовку, но не осталась на специализацию. Я поняла, что юношеские романтические планы были не верны, что тратить несколько лет на доучивание по специальности, которая мне не нужна, глупо. Это просто варварство по отношению к собственной судьбе. Впрочем, я благодарна Бончу за «технарскую хватку» в учебе, а также за полученный в течение этих 2-х лет навык количественного анализа материалов. Студент технического вуза иначе, чем гуманитарий, относится к учебе, к усвоению материала. Опыт учебы в Бонче очень помог мне и в университете, и во всей дальнейшей работе. И в эпоху БЭСМ, и, особенно, когда появилась возможность обрабатывать свои массивы на персональном компьютере. Вот бы такое, да раньше лет на 25!

Сложно было поступить на философский факультет?

В 1966 году на вступительных экзаменах в вузы был двойной конкурс из-за двойного выпуска из школ (при переходе от 11- к 10-леткам). К тому же, когда мы с Галей забирали документы из своих технических вузов (она – из Военмеха, я – из Бонча) и пришли на философский факультет ЛГУ, еще было неясно, откроют ли прием на новый факультет психологии или нет. А от этого зависел список вступительных экзаменов. Вопрос решился буквально за несколько дней до окончания приема документов. Вместо отделения психологии философского факультета открылся новый факультет психологии, вступительные экзамены – наполовину – гуманитарные, наполовину – естественнонаучные. Это, конечно, сильно увеличило наши конкурентные преимущества: сдавая школьную физику и математику после вузовского курса, была возможность отличиться. Вопросы экзаменаторов-физиков «на засыпку» нам казались просто заурядными. А вот на подготовку к экзамену по истории оставались всего сутки. Что же делать? У моего отца откуда-то заваялся дореволюционный учебник Платонова по истории – «для благородных девиц», со старой орфографией, «дозволенный цензурой», снабженный рисунком генеалогического древа царствующей династии. Галя решительной рукой порвала книжку пополам и мы провели ночь за этим увлекательным чтением, обмениваясь половинками. Моим слабым местом была история войн – ну не могу я помнить, какое войско куда пошло и что там случилось. Как же это всё запомнить, да ещё и срочно? Положение спас наш новый знакомый, Юрий Динабург, который знал всё про всё и замечательно об этом рассказывал. Я действительно запомнила и – о, счастье! – мне попался именно такой билет – с вопросом про военные действия зимой 1941/42 г., а «на засыпку» – про первого Романова.

Так я поступила на факультет психологии Ленинградского университета, на вечернее отделение. Почему на вечернее? Во-первых, меня больше всего интересовала «кухня», измерительный инструментарий, особенности применения разнообразных методик для изучения групп, а это можно было освоить только в процессе практической работы. Во-вторых, отец просто отказался меня содержать, раз я променяла «серьезный, перспективный Электротехнический институт связи на какую-то говорильню».

Пожалуйста, Маша, об учении... кто преподавал, кто из преподавателей вам больше нравился и т. д.

Так уж получилось, что первый курс лекций по психологии (еще до поступления на факультет) и последний — по методике преподавания психологии (на последнем курсе) я слушала у А. В. Ярмоленко. Она в те годы была уже весьма пожилым человеком, ей было физически нелегко читать двухчасовую лекцию, но она прекрасно справлялась и сама, как психолог, учила нас, как это делать: как проиллюстрировать психологические понятия, свойства, процессы; как работать над звучанием своей речи и т. п. Ее занятия были интересны и доступны. Когда позже мне пришлось самой преподавать, я залезла в конспекты лекций Августы Викторовны и была очень ей благодарна.

К сожалению, мне не довелось присутствовать на учебных лекциях основателя факультета, Б. Г. Ананьева, но я несколько раз слышала его выступления на общеуниверситетских и факультетских конференциях. Эти выступления всегда были (если не бояться громких слов) мудрыми и «основополагающими», всегда обращены в будущее. Он давал наставления своим ученикам — преподавателям, аспирантам, студентам. На Бориса Герасимовича на факультете буквально «молились», копировали, по возможности, элементы его методики преподавания, распространяя их по эстафете. Например, считалось неприличным мелочиться и бороться со списыванием на экзамене. Наоборот, студент мог принести с собой любые источники и использовать их, готовясь к ответу (но для этого при подготовке к экзамену необходимо было проработать эти материалы), зато беседа с экзаменатором не превращалась в проверку качества зубрежки, а была разговором коллег, где важна аргументация. Не каждый преподаватель чувствовал себя готовым к такой работе. Через много лет я с благодарностью вспомнила эту методику проведения экзамена. Она оказалась особенно актуальной в ситуации, когда мои слушатели были зачастую старше меня и очень неловко чувствовали себя на экзамене в роли школяров, боящихся что-то забыть. А в роли собеседников, диспутантов, да еще оснащенных источниками, — совершенно другое дело. Такая ситуация вызывает уважительное отношение и к собеседнику, и к предмету разговора.

Б. Г. Ананьев завел обычай тематических встреч с представителями разных психологических направлений, школ. Помню, приезжали грузины, рассказывали о продолжении исследований школы Узнадзе по установке. В другой раз приезжали киевляне. Проводились и ленинградские тематические встречи. И что было особенно важно для студентов: они чувствовали себя равноправными участниками всех факультетских событий — защит диссертаций, конференций. Первое, что бросалось в глаза при входе на факультет — большие объявления о предстоящих событиях, не только у нас, но и на родственных факультетах. В те доинтернетные времена, с учетом разбросанности факультетов по всему городу (психфак находился в особняке Бобринского), это было важно не только с информационной точки зрения, но и психологически — для поддержания чувства общности университетской жизни.

Из младших курсов мне запомнилось впечатление от биологического цикла. Надо представлять себе, что мы, выпускники школ 1964 г., в отличие от выпускников 1966 г., учились ещё во времена, когда в учебниках биологии царили Лысенко и Мичурин. Наше поколение оказалось последним до реабили-

тации генетики в школьной программе. Поэтому на первом курсе университета мы, прежде всего, осваивали новый школьный учебник по общей биологии, который был для нас откровением, т.к. включал общие представления о генетике, а уж потом — толстенный вузовский том. Это было очень интересно. После такого курса зубрежка латинских названий в предметах биологического цикла воспринимались как неизбежная, но не чрезмерная плата за вход в мир биологии. Занятия проходили в здании «Двенадцати коллегий», в старинных интерьерах, в окружении стеклянных шкафов с антикварным оборудованием и портретов ученых — классиков на стенах. Требования преподавателей — биологов были для меня, в отличие от некоторых студенток — гуманитарок, привычными — конкретными и серьезными, сведения — обоснованными, почти как в Бонче.

Совершенно иначе окрашены мои воспоминания о курсе сравнительной психологии, который вела Н. А. Тих. Она была к тому времени очень пожилым человеком. Ее лекции были скучны, от них отдавало советским консерватизмом и изоляционизмом — а ведь могло бы быть так интересно! Но я благодарна Нине Александровне вот за что. В основе ее лекций был трехтомник Вагнера, первые 2 тома были изданы маленьким тиражом перед революцией, а третий — отдельными выпусками — по-моему, в 1919 г., тоже минимальным тиражом. Но суровая Нина Александровна уважала свой предмет и сказала, что сдать экзамен без прочтения этих книг будет невозможно. Её не интересовало, что в Публичке был один экземпляр Вагнера, в БАНе — еще один. Не знаю, был ли в библиотеке университета. На факультете библиотека только формировалась. В Публичке записывались в очередь на Вагнера (тогда там еще не только не было микрофильмов, но и, почему-то, — ксерокопий). Тем не менее, не могу дать гарантию за всех студентов, но точно знаю, что абсолютное большинство действительно прочло Вагнера. Мне повезло: успела схватить в БАНе и сдавала экзамен в другое время.

Я вообще часто сдавала экзамены и зачеты не по расписанию, а когда чувствовала, что подготовилась. Это избавляло меня от лишних волнений. Разумеется, такое было возможно, поскольку на вечернем отделении нет главного подгонялы — стипендии.

У нас на вечернем отделении царил вольница: можно было не ходить на свои занятия, но, при желании, посещать другие. И я все годы пользовалась такой возможностью. Вместо того, что я и так знала (или считала, что лучше освою самостоятельно, по литературе), на младших курсах я прослушала многие спецкурсы своей специализации (социальной психологии), которые в учебном плане относились к старшим курсам. А на старших — ходила на интересовавшие меня занятия по другим специализациям, которые стояли по расписанию параллельно с нашими.

Так, я самостоятельно подготовилась и сдала курс статистики. Мне было невтерпех, т. к. это имело непосредственное отношение к работе.

Очень хороши были курс патопсихологии д-ра Либиха (для всех) и спецкурсы по соответствующей специализации, которые проходили в институте им. Бехтерева и сопровождались разбором конкретных случаев с показом больных. Я уже не помню фамилии этих преподавателей, но очень высоко ценю как содержание, так и методическую сторону их лекций и практикумов.

Следует признаться, что, поскольку, поступая на факультет психологии, я была настроена именно на социальную психологию, да еще на грани с социологией, цикл по общей психологии казался мне обременительным, слишком громоздким, растянутым. К тому же, мне мешал субъективизм многих авторов программ курсов. Я понимаю, конечно, что в университете преподаватель имеет на это право, но надо же думать и о студенте, у которого формируется «кривобокое» представление о науке. (Представляю, какое возмущение вызовет этот мой абзац у общих и дифференциальных психологов!).

К сожалению, не оправдались мои надежды на педагогический цикл. Эти занятия запомнились мне как бессмысленная игра в слова: на доске рисовалась очередная схема, давались определения понятий (часто одно через другое), а дальше – как мячиком, жонглировали этими понятиями, и ... всё! Ничего эвристического, нового, просто полезного я не узнала.

Опережая учебный план, я прослушала курс А. А. Русалиновой по промышленной социальной психологии. Он привлек меня своей конкретностью и методической оснащенностью, поскольку во многом был основан на личном опыте Аллы Александровны и работах лаборатории социальной психологии НИИ ИКСИ. Хорош и инструментально обустроен был спецкурс по социометрии, который читал И. П. Волков.

К сожалению, мне не удавалось применить эти знания у себя на работе, т.к. в нашей лаборатории был разрешен только один подход – никакой социальной психологии, только анализ социально-профессиональной структуры, даже, помню, не поощрялся интерес Тани Протасенко к анализу социально-потребительских групп. Однако в процессе выполнения курсовых работ мне всё-таки удалось освоить на практике несколько социально-психологических методик. Обычно работа проходила на одном из Ленинградских заводов, с которым у НИИКСИ были заключены договоры на проведение прикладных исследований.

Вообще учебный план специализации по социальной психологии включал много небольших спецкурсов, которые по названиям были интересны и, по идее, очень нужны, а на самом деле оказались «натянутыми», да и читались скучно. К сожалению, два основных курса, которые я слушала у Е. С. Кузьмина, основателя отделения социальной психологии, – «историю психологии» и «социальную психологию» – тоже меня не вполне удовлетворили. Сначала я не понимала причины своей неудовлетворенности, но как-то всё читалось «через запятую», без увлеченности сутью, с каким-то организационным уклоном. Оставался вопрос: «А где же, собственно, наука социальная психология, где разбор сущности социально-психологических явлений?»

Вот тут-то аукнулось мое незнание английского: книги типа учебников по социальной психологии на русском только начинали появляться, а на английском были – в спецхране БАН и Публички.

Помощь пришла неожиданно. А. В. Баранов, который в это время перешел работать к нам в лабораторию (я тогда работала в Межинститутской социологической лаборатории под руководством О. И. Шкаратана, подробнее об этом – ниже), параллельно читал на факультете партхозактива в Университете марксизма – ленинизма при Горкоме КПСС курс лекций по социальной психологии. Он пригласил меня походить на эти лекции. Слушателями были люди с производства, которые в течение 2-х лет вечерами (не каждый день) посещали занятия,

сдавали экзамены. Наконец-то я услышала интересные — и по содержанию, и по форме — лекции, дающие представление о том, что такое социальная психология, как она развивалась, какие проблемы она рассматривает, какой вклад вносит в понимание личности в группе и группового взаимодействия и др. При подготовке к этим лекциям Альберт Васильевич, сидя в спецхране Публички, проработал массу учебников и первоисточников — на английском. Но на лекциях не было перечисления «через запятую» авторов и концепций. Материал был выстроен в соответствии с проблемным подходом, что сразу вовлекало слушателей в суть вопроса. В течение 1972—73 учебного года я слушала курс Баранова, а, начиная с 1973—74 учебного года, на протяжении довольно долгого времени сама читала там лекции и вела семинарские занятия по социальной психологии и методике соц. исследований.

Дипломную работу я делала практически самостоятельно. Научный руководитель лаборатории О. И. Шкаратан предложил мне покопаться в понятии «социальная активность». Поскольку моя работа в лаборатории тогда была связана с объединением «Татнефть» (г. Альметьевск), я решила сосредоточиться на проявлении социальной активности в различных сферах деятельности максимально однородной группы — конкретной бригады электромонтеров, обслуживавших нефтяные скважины. Это были молодые мужчины со средним образованием.

Получив в кои-то веки свободу действий, я подобрала несколько социально-психологических методик, во многом перекрывающих друг друга по изучаемым параметрам, плюс обычное социологическое формализованное интервью. Отработала методики, а потом, с помощью сотрудницы нашей лаборатории Нади Игнатъевой, собрала материал в Альметьевске, прямо на рабочем месте бригады — в поле, рядом с качалками.

Обычный социологический количественный анализ материала я включила в общий годовой отчет по исследованию, а для дипломной работы мне нужен был совместный анализ данных по всем использованным социально-психологическим методикам. Сейчас это бы не составило труда: загрузи данные в свой персональный компьютер и прокрути с помощью нескольких программ, корректируя шкалы несколькими итерациями — всё в твоих руках. А тогда мы могли пользоваться только стандартной программой, с помощью которой обрабатывали массивы анкет. Корректировать шкалы или как-то иначе усложнять алгоритм обработки — «и думать не могли» — кто же тебя пустит!

Кстати, через несколько лет, когда я участвовала в анализе материалов опроса А. В. Баранова, обработка проходила в вычислительном центре ИСЭПа. К машинам нас не допускали, мы подавали заявки на расчет конкретных таблиц, а грозная Клавдия Ивановна Гришмановская всех ругала за какие-то неточности в заданиях и железной рукой «заворачивала» их. Я, во-первых, не была сотрудником ИСЭПа и участвовала в этой работе на волонтерских началах, а во-вторых, не умела программировать (это, к сожалению, не входило в учебный план психфака), но ведь, когда припрет, напряжешь мозги и придумаешь выход из любой ситуации. Я вспомнила, чему нас учили в курсе символической логики, и стала как-то записывать задания — с корректировкой шкал, на подмассивах, матрицы интеркорреляции. И — о чудо! — Клавдия Ивановна меня полюбила.

Мне кажется, чем сложнее было задание, тем больше ей нравилось. Она не просто не заворачивала мои задания, а даже звонила мне домой, когда таблицы были готовы, что стало предметом моей гордости на всю жизнь.

Но вернемся назад — в то время, когда я утонула в необработанных материалах своего диплома. Заниматься «через запятую» описаловкой результатов по всем методикам я не видела смысла и отложила окончание этой эпопеи на неопределенное время — «надо мной не каплет», это же не дневное отделение.

А тут вмешались совсем другие обстоятельства. Во время очередной командировки в Альметьевск я свалилась сначала с дизентерией, а потом — еще и с аппендицитом. Это внесло разнообразие в мою жизнь. Я многое узнала о здравоохранении в провинции. Сначала ко мне в гостиницу отказывалась ехать скорая, т. к. «потом машину надо будет дезинфицировать». И приехала, только когда какой-то военный — постоялец гостиницы командирским голосом наорал по телефону на диспетчера скорой. Зато потом меня, как ленинградского гостя, которого «надо вылечить!», поместили не во взрослую, а в детскую инфекционную больницу — «там лучший врач, она недавно была в Ленинграде на стажировке». И меня лечили по последней методике: огромным количеством антибиотиков и сульфамидов, после чего я много лет не могла привести себя в норму, так мерзко себя чувствовала, что было не до диплома. А через неделю интенсивного лечения от дизентерии у меня разыгрался аппендицит, меня перевезли в другую больницу и сделали операцию. И опять я многое узнала о здравоохранении в провинции. Несмотря на мою просьбу дать общий наркоз, операцию начали под местным. Только после того, как я запретила продолжать, мне, наконец, дали общий наркоз. А потом, как питерского гостя, меня положили не в коридор, где лежащие больные находятся все вместе — и мужчины, и женщины, а в палату. А потом, когда я еще не могла встать с постели, по стене, сверху вниз, всё ближе к моей голове, полз таракан и я не могла от него убежать и не могла его прихлопнуть, а могла только орать и звать постовую сестру. Она пришла и, смеясь надо мной, добродушно сказала, что тараканов не выгнать: «их травишь, а они по вентиляционным ходам уходят на другой этаж, а потом возвращаются». Через несколько дней за мной прилетела мама и увезла, прямо с дренажем, домой. Позже я узнала, что в Альметьевске на молокозаводе в результате проверки 1/3 работников оказалась носителями бактерий дизентерии. И это был февраль — март, а не осень.

К диплому я вернулась года через полтора (поэтому закончила университет на два года позже своих сокурсников). Как-то на работе, в лаборатории, во время разговора с Андреем Вейхером я поделилась своей проблемой: собранный материал не выстраивается, и нет идеи, как его укротить. Андрей посоветовал: «А попробуйте посчитать матрицу интеркорреляции между проявлениями социальной активности в выделенных сферах деятельности и нарисовать граф связи». через полчаса граф был готов, такой красивый и осмысленный! Вообще всё стало осмысленным. Куча шелухи сразу отвалилась. Стала понятной логика будущего текста: проблема, идея, гипотезы, методики, а дальше — мой замечательный, прозрачный граф связи и несколько слов, пересказывающих его — для тех, кто не понимает графику и нуждается именно в тексте. Тогда я, наконец, встретилась с Н. В. Бахаревой, руководившей прежде моими курсовыми работами, показала материал и попросила «быть руководителем». Я очень благодарна ей за то, что

не прогнала и посоветовала, как лучше представить мои материалы. А потом я за сутки всё написала, отдала распечатать и отвезла на рецензию А. А. Русалиновой. Через пару дней — защита диплома. Алла Александровна оказалась суровым рецензентом. Она сочла недостатком работы отсутствие подробного, «стандартного», я бы сказала, описания полученных результатов. На счастье, я прихватила с собой мой рабочий отчет, содержащий требуемую описаловку. Я предъявила его комиссии, но пояснила, что к достижению цели и решению задач дипломной работы этот текст не приближает, поэтому я и не включила его в сам текст диплома. А достигается цель именно теми пятью страничками, которые, собственно, и являются дипломной работой. Плюс много приложений: методики, таблицы первичных данных, описание объекта, респондентов... В общем, действительно была защита, я осталась довольна. До сих пор испытываю чувство удовлетворенности, вспоминая, как было дело.

Вы учились на вечернем отделении, как смогли найти работу «по специальности»?

Это было чрезвычайно трудно. Во-первых, тогда еще мало где, кроме университета, занимались социологией и социальной психологией. Я, естественно, готова была на любую работу, самым младшим подметалой, но доброжелатели сразу сориентировали: пока кадрами в университете командует знаменитый Катькало, мне с моим «пятым пунктом» и пытаться не стоит.

Первый год я подрабатывала, позируя студентам Академии художеств. Занятия у них проходили не так, как у нас: преподаватель приходил, смотрел работы и уходил, а ребята продолжали работать самостоятельно. Было довольно интересно слушать преподавателей, когда они корректировали работу своих студентов. Кстати, многие из этих замечаний прямо иллюстрировали психологические закономерности, о которых нам рассказывали на факультете психологии. А я, в свою очередь, чтобы не скучно было сидеть, иногда пересказывала это студентам — художникам. Всё бы ничего, да был в этой работе огромный минус: всё время, пока длится «постановка», 3 недели, надо приходиться в одной и той же одежде. Даже крохотный кусочек блузки другого цвета, случайно выглянувший из жакета, вызывал панику. А поскольку «постановки» в разных учебных группах менялись не одновременно, практически приходилось весь семестр ходить в одном и том же. Так я проработала год.

Во второй половине 60-х годов А. В. Баранов, работая на кафедре философии Академии наук, занимался социологией города и сотрудничал с двумя ведущими градостроительными НИИ Ленинграда, занятыми проектированием новых городов в Сибири. Он познакомил с этими работами М. Борщевского и Миша включился в урбан-социологическую проблематику, несколько лет работая то в одном, то в другом из этих НИИ. И, естественно, познакомил Галю и меня с этими исследованиями и их участниками. Так Галя поступила на работу к архитекторам техником — социологом, а через год перешла лаборантом в группу А. В. Баранова на кафедру философии Академии наук. Я тоже сначала занималась у архитекторов обработкой социологических анкет, а еще через год, в 1968 г., меня, по рекомендации Миши, взяли лаборантом в Межинститутскую

социологическую лабораторию под руководством Овсея Ирмовича Шкаратана. Часть ставок там была от института Этнографии АН, а часть — от Финансово-экономического института. Я принадлежала ко второй части.

Несколько необычно начиналась моя жизнь в лаборатории. В первый же день к Шкаратану зашел Баранов и принес слух о том, что завтра в Москве, в ИКСИ будет проходить семинар по проблемам методологии и опыту проведения исследования общественного мнения (в Таганроге). Надо бы кого-то послать, чтобы законспектировали. К счастью, в тот момент под руку подвернулась я. Вопрос ко мне был только один: есть ли у меня в Москве место переночевать. Разумеется, место нашлось. Так я попала на семинар к Б. А. Грушину. Оказалось, что семинар — не однодневный, как мы предполагали. В течение двух недель по 5–6 часов в день Б. А. Грушин подробнейшим образом рассказывал о методологии комплексного исследования, делился опытом решения проблемы сопряжения огромного числа конкретных исследований, включая разработку самых разнообразных методик, подготовку кадров для полевых работ, а также методологию анализа данных. Всё это было безумно интересно. Тогда я еще была не готова понять всю сложность решаемой проблемы, но старалась хотя бы законспектировать (додиктофонная эра).

Вернувшись из командировки, я «попала с небес на землю». В те годы научная работа в вузах проводилась в рамках научно-исследовательского сектора, заказчиками выступали как предприятия, так и города. Первый договор, в выполнении которого я участвовала, был — по проблемам текучести рабочих кадров на ленинградском мясокомбинате. Начинал работу по теме А. В. Тихонов, а заканчивал А. А. Вейхер, тогда аспирант Финансово-экономического института. Целый год по два дня в неделю я в течение всего рабочего дня сидела в отделе кадров мясокомбината и опрашивала по социологической анкете поступающих и увольняющихся рабочих. Почему опрашивала? Потому что сами они не могли заполнить очень простую анкету — не понимали печатного текста. В учебнике это называется «функциональной безграмотностью», но реально представить такое можно, только увидев своими глазами. Потом был проведен анкетный опрос работающих в различных цехах. Тогда я познакомилась с особенностями производства на мясокомбинате, увидела проблемы глазами рабочих и поняла, что не все они могут быть отражены в наших анкетах, но зачастую имеют большое значение для решения проблем текучести.

О. И. Шкаратан, со всем своим научным коллективом, всегда «сидел на двух стульях». С одной стороны, он изучал социальную структуру общества на уровне предприятия. Отсюда панельные социологические исследования на предприятиях различных отраслей промышленности Ленинграда. С другой стороны, — на уровне города. Отсюда панельные социологические исследования городов (большой, средний и малый города Татарстана).

Я участвовала в полевых работах, а также обработке материала этого исследования, так частично исполнилось моё желание освоить инструментарий и технологию проведения работ. Теперь я хорошо представляла себе, как организовать обучение и полевую работу коллектива временных помощников, как найти общий язык с разными респондентами, как и почему «работают» или

«не работают» те или иные методики на респондентах различных категорий. научилась проводить статистическую обработку и анализ материала с помощью еще тех, старых, больших ЭВМ.

В те годы и от предприятий, и от городов требовалось составлять планы социально-экономического развития. На выполнение этих работ выделялись немалые деньги и заключались договоры с научными подразделениями вузов. В нескольких таких проектах по заказу предприятий участвовала и я. Но гораздо интереснее мне были исследования по городской тематике. Да так уж судьба сложилась, что лишь иногда удавалось в них поучаствовать, например, во время проведения одного из срезов панельного исследования – в 1974 г., в период массовых полевых работ в Татарии (города Казань, Альметьевск, Мензелинск). Поскольку это был не первый срез, да и вообще мы постоянно были связаны с исследованиями по Альметьевску, приступая к работе, мы не ожидали столь серьезных преград со стороны партийно-хозяйственного руководства. Но неожиданно массовый социологический опрос встретил препятствия на самых разных уровнях.

М. Борщевский в это время уже давно работал в нашей лаборатории, и Шкаратан назначил его руководителем полевых работ во всех трех городах. Кроме того, в каждом городе был свой руководитель. Я входила в альметьевскую группу, которой сам Миша и руководил. В Казани это был Олег Божков. Как дела в Казани, мы узнавали в Альметьевске каждый вечер по телефону. (Наверно, не все сегодня согласятся с моим рассказом. Неизбежно, каждый вспоминает эти события по-своему, что объясняется, с одной стороны, изначальной аберрацией сознания участников, а с другой – за 40 лет вообще многое забылось). В Казани очень долго не удавалось получить разрешение на проведение опроса, группа простаивала, что вызывало сильный психологический напруг. Что-то должно было случиться. И случилось: в результате несчастного случая Олег оказался в больнице с переломом обеих ног. Кому из рабочей группы – «подхватить знамя»? Кто из участников был способен взять на себя роль лидера в кризисной ситуации? Как говорится, «никогда не угадаете» – Галя Старовойтова.

Галя вообще не была сотрудником нашей лаборатории, а на опросе находилась по разрешению Шкаратана. В это время она была аспиранткой института этнографии и занималась этнографией современности – на примере татар, сравнивая жизнь татар в Татарии и в условиях «этно-дисперсной группы» (если не ошибаюсь, термин ввела Галя) – в Ленинграде. Для опроса респондентов – татар Галя составила вкладыш в нашу основную анкету. Потом, вернувшись в Ленинград, она сконструировала «зеркальную» выборку, подобрав «в пару» каждому респонденту – татарину из Татарии татарина – ленинградца с аналогичными параметрами (пол, возраст, семейное положение, образование...). Сравнительный анализ материалов этих двух массивов лёг в основу Галиной кандидатской диссертации.

Итак, Галя во многом взяла кризисную ситуацию на себя. Я сразу узнала коммунарскую хватку: способ достичь цели существует всегда, только надо не теряться, не впадать в ступор, а найти и применить метод, адекватный данной ситуации. Включение харизматического стиля желательно. Галя сдала экзамен

на пятерку! Она договорилась в обкоме, исполкоме и прочих инстанциях, поддерживала рабочую атмосферу в полевой бригаде и обеспечила успешное проведение опроса.

У нас в Альметьевске проблем такого масштаба не было — Миша справлялся с ними «в процессе поступления», к тому же, в организационных вопросах очень помог А. В. Тихонов, долго возглавлявший в Альметьевске социологическую службу. Но всё равно атмосфера опроса именно в тот раз оказалась небывало тяжелой. Помню, например, как мне пришлось вечером после проведения опроса буквально под руки провожать в общежитие членов своей рабочей группы анкетеров — 16-летних студенток техникума. Местные хулиганы не давали им прохода, а девочки только недавно приехали из своих сёл учиться «в большой город Альметьевск» и не знали, как вести себя в конфликтной ситуации. Они позвонили мне и пожаловались, что стоят на центральной площади и не могут попасть домой. В тот момент я так рассвирепела, что даже в голову не пришло, что это может быть опасно, что надо звонить в милицию и т.п. Я только помнила: девочки — из моей группы и я за них отвечаю. Добежав до площади, я схватила их под руки и отвела в общежитие, а по дороге «спустила пары»: так наорала на хулиганов, что они куда-то растворились. И подобные сложности были у всех. Мы очень уставали, вечерами Миша нас отпаивал «коровой мэри».

Не вспомните ли о методах сбора информации, которыми вы пользовались?

Прежде всего, это был сбор информации, содержащейся в официальных документах (картотека отдела кадров предприятия, жилконторы, ПТУ, школы и т.п.). Во-вторых, я освоила «кухню» анкетного опроса и формализованного интервью. И всё больше убеждалась в ограниченности их возможностей. Например, после упомянутого выше опроса жителей трех городов Татарии началась длительная многоэтапная обработка материала. Специально созданные группы сотрудников лаборатории «закрывали» «открытые» вопросы. И вот, когда, перелопатив весь массив, группы с этим практически справились, остался последний вопрос. Традиционно в конце анкеты оставляется место для ответа на «открытый» вопрос: «Каковы Ваши предложения по улучшению жизни в городе?». И вдруг среди привычных ответов мы видим: респондент из Альметьевска, города нефтедобытчиков, выросшего за 20 лет из села, пишет: «Построить памятники старины». А надо было видеть этот сотысячный город, состоявший из района пятиэтажек постройки 50-х и 60-х годов, с городскими улицами, и района частных домов, с деревенскими улицами, плюс элементарная инфраструктура — глазу отдохнуть не на чем! Я не знаю, каким шрифтом надо выделить эти слова! И какая нужна многослойная интерпретация — социологическая, психологическая, архитектурная, градостроительная — для обоснования рекомендаций заказчику!

В те годы о качественном анализе мы и не слыхивали. Гораздо позже, знакомясь с работами Центра независимых социологических исследований (В.Воронков с коллегами), я увидела, что они применяют качественный анализ, но как-то было непривычно, хотелось количественной фундированности. А потом моя дочь заинтересовалась именно качественным анализом. У них на социологическом факультете уже читались соответствующие спецкурсы. И нако-

нец, одно из моих последних исследований на последнем, перед выходом на пенсию, месте работы включало, наряду с другими методами, качественный анализ неформализованных интервью.

Однако в те годы, о которых я пишу, наша лаборатория пользовалась почти исключительно количественным анализом материалов анкетных опросов. Но в поиске латентных факторов поведения людей я старалась познакомиться с другими методиками. Так, о методике семантического дифференциала я впервые узнала в 1966 г. на семинаре В. В. Бойко, психолога с филологическим образованием, который пересказывал содержание статей авторов методики, Осгуда и др. Во время поездки в Москву в 1968 г. среди методик, использованных в проекте «Общественное мнение», от Тамары Моисеевны Дридзе я также услышала об использовании методики семантического дифференциала. Позже о применении этой методики в исследовании «Дом» рассказывали эстонские социологи из лаборатории Ю. Вооглайда (Тартуский университет) во время своего приезда в сектор В. А. Ядова. Наконец, во время подготовки своей дипломной работы я выбрала семантический дифференциал в качестве одной из методик. Но всё оказалось непросто. Хорошо, что было отобрано несколько методик и они по смыслу во многом дублировали друг друга: по крайней мере, половина моих респондентов, рабочих Альметьевского нефтедобывающего предприятия, не смогла понять, как надо выполнять задание.

Еще раньше через Галю я впервые познакомилась с методикой контент-анализа. Галя тогда работала у А. В. Баранова и под его руководством участвовала в контент-анализе материалов газеты «Известия» за разные годы. Исследование имело две цели: 1). Измерение «удельного веса», доли субъективного фактора в жизни общества, по сравнению с объективными (по мнению газеты). 2). Выявление динамики общественных оценок мотивов человеческого поведения¹.

Наконец, примерно в это же время все мы по мере возможности старались познакомиться с проектом В. А. Ядова, И. С. Кона и др. о ценностных ориентациях личности, где преимущественно применялись социально-психологические методики². Я, в своей дерзости, даже адаптировала одну из этих методик и попыталась включить ее в исследование по профориентации школьников и учащихся ПТУ. Материал был собран, но как обычно и бывало, мне объяснили, что его анализ выходит за рамки хоздоговорной работы.

Все эти годы я старалась познакомиться с различными подходами к многофакторному анализу социально-психологических явлений. В это время появились статьи по таксономии, в курсе статистики у нас были даже основы факторного анализа, но технически работа с этими методиками была мне не доступна. Только в последние 15 лет своей карьеры, получив в руки персональный компьютер и программу SPSS, а главное — право на самостоятельный анализ эмпирических материалов, я вволю «наигралась» возможностями многомерного анализа. Но это — уже совсем другая глава и в развитии науки, и в моей личной биографии.

¹ Баранов А.В. Опыт текстового анализа газеты. В сб.: Количественные методы в социальных исследованиях : материалы совещания, прошедшего в г.Сухуми 17–20 апреля 1967 г. / Ред. В.В. Колбановский. — Москва : Научный совет АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований, 1968. — (Материалы и сообщения) <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/a-v-baranov-pionernye-kontent-analiticheskie-issledovaniya-1960-e-gg>

² Личность и ее ценностные ориентации. М., 1969, вып. 1. (Информационный бюллетень ИКСИ АН СССР, № 4 (19)).

Вернемся к периоду работы в Межинститутской лаборатории (1968–75 гг.). О. И. Шкаратан постепенно собрал великолепный творческий коллектив. Тогда в России еще не было академического социологического образования. У каждого была своя история прихода в социологию. И на первом этапе каждый «рос над собой», достигая требуемого уровня. У каждого, конечно, были сильные и слабые стороны, но в целом они прекрасно дополняли друг друга, что содействовало успеху общей работы.

Постепенно сотрудники лаборатории «перерастали» гармоничную стадию и привычную тематику. В какой-то момент это вылилось в организацию постоянно действующего семинара по концепции социального воспроизводства. Причем семинар проходил принципиально вечерами, в нерабочее время. Присутствовать могли все желающие (но Шкаратан там ни разу не появился). Слушали доклады участников, обсуждали. Я привозила на трамвае свой тяжеленный магнитофон «Дайна», на котором можно было вести запись 8 часов, не думая о технических ограничениях.

К 1975 г. ситуация созрела к изменениям и со стороны отдельных членов коллектива, и со стороны организации. О. И. Шкаратан в это время уже переехал в Москву. На базе ленинградских секторов московского ИКСИ и некоторых собственно ленинградских академических подразделений был организован ИСЭП. Академическая часть лаборатории образовала там сектор, занимавшийся проблемами городов. А сотрудников лаборатории, которые работали на ставках Финансово-экономического института, распределили по кафедрам. Так закончилась жизнь межинститутской социологической лаборатории.

Я оказалась на кафедре статистики. Хоздоговорные темы, в которых мне пришлось участвовать в это время, меня не интересовали. Складывалось впечатление, что они вообще никого не интересовали и нас держали, чтобы мы присутствовали в арендуемом институтом помещении и «грели место». Некоторое разнообразие иногда вносила смена этого места на «полевые работы» в очередном отделе кадров. К анализу материала нас не привлекали, и это было хорошо, т.к. методы и стиль кафедры были мне совершенно чужды. Но что делать — уйти было некуда. Это были самые мрачные годы: перспективы никакой. Кто мог, постепенно уходил — кто переезжал в Москву, кто уходил в котельную. Я пять лет терпела, время от времени находя для себя отдушину в сотрудничестве с А. В. Барановым и его группой — Валерием Глуховым, Лизой Петровой и Аллой Серебренниковой. Они в это время (1978–80 гг.) проводили на материале опроса жителей Ленинграда очередной срез панельного исследования по проблемам городского образа жизни, адаптации мигрантов в Ленинграде и т. п. Я была знакома с предыдущим срезом, 10-летней давности. конечно, очень интересно было узнать, какова динамика. Но не только. В новой анкете были шире освещены различные аспекты адаптации мигрантов. Мне хотелось посмотреть, что общее, а в чём особенности процесса адаптации различных категорий мигрантов. Рассматривались различные социально-демографические и социально-экономические факторы, влияющие на скорость и «профиль» процесса адаптации — возраст в момент миграции (принадлежность к поколению и стадия социализации), место выезда (тип поселения), образование в момент приезда и т. п. Как всегда при исследовании сложных социальных процессов, нужен был совместный анализ влияния множества факторов на различные показатели уровня адаптации.

К этому периоду и относится «мой роман» с К. И. Гришмановской, о котором я упоминала выше. Я с наслаждением «купалась» в этом материале, пытаюсь его «расслоить» и «свернуть». Проявились многие закономерности. Но объем работы был огромен, одно тянуло за собой другое, а мои возможности ограничены — ведь я всем этим занималась помимо основной работы. Последней каплей оказался «заворот Горлитом» нашей с Лизой статьи с простейшими эмпирическими данными, характеризующими досуг разных категорий ленинградцев. Нас спросили: «А откуда у вас эти данные? Укажите печатные источники». Результат опроса как источник не подошел! Всё казалось бессмысленным и бесперспективным — если даже такое не опубликовать, то «два поколения как эмпирически подтвержденное время адаптации» — тем более. К чёрту!!!

Катилось лето 1980 г., приближался отпуск. Галя предложила мне присоединиться к их экспедиционному отряду, изучавшему долгожителей на Кавказе, и я с радостью согласилась.

Похоже, что эта экспедиция имела определяющее значение в жизни и политическом мировоззрении Галины Старовойтовой; ведь пройдет несколько лет, и она станет крупнейшим специалистом по национальным конфликтам на Кавказе и депутатом Верховного Совета СССР от Армении. Пожалуйста, расскажите о той экспедиции.

Комплексное международное исследование проблем долгожительства началось во времена предыдущей разрядки. В ежегодных экспедициях участвовали специалисты самых разных областей (биологи, этнографы, социологи, психологи, географы). Полевые работы проходили в течение нескольких летних месяцев, каждый год — в разных местах, известных повышенной долей долгожителей. У нас — на Северном Кавказе и в Закавказье, в т. ч. в Нагорном Карабахе, входившем тогда в состав Азербайджанской ССР. Помню, вернувшись тогда из экспедиции, Галя рассказывала об очень тяжелой ситуации, в которой находится армянское население автономии. Везде было «не ах!», но на общем фоне отличался именно Нагорный Карабах. А мы, в европейской части, об этом тогда еще и не подозревали.

Состав отряда не был постоянным: одни приезжали, другие уезжали. Галя много лет участвовала в этой работе, в т. ч. несколько раз возглавляла отряд. За эти годы она изучила «тонкие» моменты в истории, в сложной, трагической судьбе кавказских народов. Наряду с печатными изданиями и архивными материалами, Галя познакомилась со многими представителями самых разных социальных групп — от правительственных чиновников до научных работников, от городской интеллигенции до жителей отдаленных сел. И слышала из устных источников разные варианты интерпретации как далеких, так и недавних событий в жизни народа, увидела настроения в различных социальных слоях. Поэтому, через несколько лет, когда центр ослабел окончательно, мы не удивились, что взорвалось прежде всего на Кавказе.

Летом 1980 г. экспедиционный отряд работал в Гудаутском районе Абхазии. Я приехала в середине августа и проработала в отряде весь отпуск — до середины сентября, участвовала в проведении этнографических интервью и социально-психологических тестов. Мы жили в помещении сельской больницы и ради-

альными маршрутами ездили (или добирались пешком) к нашим информантам — долгожителям и их семьям, проживающим в различных селах Гудаутского района. С отрядом работали два переводчика — учителя местных школ.

Село находилось на расстоянии всего получаса езды до моря, но это уже совершенно другой мир. местные жители нам рассказывали, почему они ведут себя по-разному на побережье и «внутри». По пути к очередному информанту переводчик рассказывал мне про местные обычаи, которые необходимо учитывать при общении в сёлах. Другие члены отряда были в курсе, а я спешно их догоняла и быстро освоилась, конечно, не вполне — на это был бы нужен не один месяц — но достаточно, чтобы выполнять свою работу.

К сожалению, я не знакома с итогами всего многолетнего исследования, посвященного поискам факторов долгожительства. Но Галя делилась своими наблюдениями, сделанными по ходу работы. Старики живут в стабильном окружении: большая семья, соседи всегда поддержат, помогут. В семье они пользуются уважением, положенным человеку их возраста. Зафиксировано завышение стариками своего возраста — для бóльшего уважения. Понятие социального возраста отражено в языке, например, в различных названиях возрастных категорий, отдельно для мужчин и женщин. У каждой возрастной категории свои права и обязанности, поэтому нет необходимости (и желания!) торопить и нарушать естественный ход событий. Отсюда нет причин для множества стрессов, обычных в жизни современного горожанина. Например, учитель так объяснял мне, почему не хочет раньше времени становиться директором школы: «всему своё время. Я еще не сполна воспользовался своей свободой ... Тогда уже многое будет нельзя, к примеру, ездить на побережье ...» (т.е. общаться с туристами в их стиле, а не так, как принято в народной традиции).

Среди социально-психологических методик применялся цветовой тест Люшера. В данном контексте он был ценен как прожективный и невербальный. По Галиному наблюдению, для некоторых стариков был характерен «ювенильный выбор цветов», а для других — «сенильный». Поскольку работа велась несколько лет, удалось проследить, что старики с «сенильным выбором цветов» по Люшеру в последующие несколько лет умирали чаще, чем те, кто делал «ювенильный выбор», т. е. характерный для молодежи. К сожалению, результат окончательной обработки этих материалов мне не известен.

Во время пребывания в Абхазии мы оказались свидетелями проявлений недовольства, протеста местного населения против решений грузинского республиканского руководства, которые непосредственно затрагивали жизнь людей. Причин недовольства было много, как социально-экономических, так и социально-психологических. Например, все доходы от туризма уходили в Тбилиси, а обратно на развитие Сухуми средств поступало совершенно недостаточно. В новой республиканской конституции государственными языками признавались русский и грузинский. Абхазы, кроме сельских стариков, хорошо говорят по-русски, но не по-грузински. Г. Смыр, этнограф, рассказывал мне, что, когда он учился в пятом классе сельской школы, им не разрешали в школе говорить на абхазском. Однажды к нему в школу пришел его дед и кто-то подслушал, что они на перемене в коридоре разговаривают по-абхазски (а на каком языке еще говорить с дедом, который других языков не знает!). Мальчика исключили из школы.

Восстановили после того, как он хорошо станцевал лезгинку на танцевальном конкурсе, от старания разбив колени. Этот эпизод был в сталинские времена, но память о нём осталась на всю жизнь и передаётся детям и внукам.

Нам пояснили, что волнения здесь происходят далеко не впервые. Я не знаю, что послужило толчком в этот раз, но информация моментально распространилась по селам и мы видели, как весь транспорт развернулся и повёз людей к Лыхнинскому полю, которое традиционно в течение веков является местом сбора народа. Там происходит обсуждение, выступают народные ораторы и самые уважаемые люди, принимаются решения. Напоминаю, что это был 1980-й год, в стране глухой застой, диссиденты сидят или уехали — тишина. И вдруг за Кавказскими горами — другой мир, другая энергетика — прямо иллюстрация к лекции Л. Н. Гумилёва о пассионарности. А дальше, через несколько лет магма, бурлившая в недрах всё сильнее, вырвалась наружу и начались социальные процессы, аналогичные природным — извержению, землетрясению и, наконец, цунами.

Находясь в экспедиции, я познакомилась с очень интересными людьми — абхазскими учеными — историками, философами, этнографами — влюбленными в историю и культуру своего народа, немало пострадавшими за это. Позже они приезжали в Ленинград и я всё больше узнавала от них о системе ценностей, образе жизни абхазов, традициях, а также особенностях их бытования и адаптации к современным условиям. Это было для меня не только по-человечески понятно и близко, но и дало очень интересный сравнительный материал для преподавания социальной психологии.

... а как развивались дела в Ленинграде?

А тем временем, дома, в Ленинграде, продолжалась жизнь совершенно беспросветная. Надо было сменить доминанту. В 1981 г. у меня родилась дочка. Мама ушла на пенсию — растить внучку, а мне надо было работать. Сначала я предполагала всё-таки до года побыть с дочкой, но зав. кафедрой статистики, где я работала, Э. К. Васильева, поступила, как и положено советскому рачительному начальнику. Испугавшись, что я буду часто брать больничный по уходу за ребенком (не смотря на наличие бабушки), она через 5 месяцев специально уговорила меня выйти на работу, чтобы тут же уволить «по окончании темы», чем нарушила несколько законов. Позже мне рассказали, что другая девушка, работавшая на той же теме, что и я, с гораздо меньшим опытом работы в данной области, оказалась для Э.К.Васильевой предпочтительнее, якобы, потому что была дочкой её подруги. Но очень скоро это «вышло боком»: при работе с цифровым материалом девушка допустила то ли крупную ошибку, то ли даже подтасовку. Этого статистическая душа Эвелины Карловны не вынесла и девушка была уволена.

Ко мне попытались применить обычную тактику отдела кадров, всё было рассчитано на правовую неграмотность людей и обычно срабатывало. Но у меня было безвыходное положение, поэтому я победила в этой борьбе. А хитрость в том, что в 1968 г. меня приняли на постоянную работу. По окончании темы работник переходил на другую. Однако в какой-то момент всех сотрудников НИСа перевели на срочные договора — на время работы по конкретной теме. Помня, что приказа о переводе на другую форму договора я не подписывала,

а положение работника нельзя ухудшить без его согласия, я упорно продолжала в заявлениях писать: «принять на тему ...» или «уволить с темы ...», а не просто «принять» или «уволить». Никто, по небрежности, этого не замечал и вот теперь – пригодилось: меня, в отличие от тех, кто был принят на работу позже, нельзя было увольнять по окончании срока договора, т.к. я – на постоянной ставке м.н.с.! Это признали всякие конфликтные комиссии, приказ об увольнении отменили. Однако куда же меня девать? И меня стали перекидывать внутри института на временно свободные ставки, со снижением зарплаты. Так продолжалось несколько месяцев, но уходить мне было некуда.

Удалось ее сменить?

Я, конечно, искала. Заканчивалась доинтернетная эра, резюме еще заранее не рассылали. На телефонном этапе переговоров всё, вроде, было хорошо, мой опыт работы вполне устраивал, но потом, после знакомства с моими документами, оказывалось, что ставка уже занята. Я бросила клич по всем коллегам и, как всегда в те времена, именно это и сработало.

Моя соученица по университету, А. Шалыто, на волонтерских началах занималась трудоустройством выпускников – психологов и в её копилке нашлось место, куда меня взяли. Это была кафедра педагогики и психологии Высшей профсоюзной школы культуры.

На кафедре я проработала с 1982 по 1991 гг., сначала – на ставке ст. лаборанта, потом – зав. кабинетом. Параллельно там же на почасовке вела семинары по психологии и социологии, руководила курсовыми. В некотором смысле я была выгодным работником, т.к. всегда могла заменить не вышедшего на занятие преподавателя (отсутствие срывов занятий – важнейший показатель работы кафедры).

Работа на кафедре позволила мне окунуться в кухню учебного процесса в вузе. Я познакомилась с требованиями, предъявляемыми к составлению комплектов документов по учебным курсам, читаемым на кафедре. Все они проходили через мои руки при подготовке кафедрой материалов для аттестации, сертификации и т.п. Кстати, эти знания пригодились мне самым неожиданным образом. Когда дочка заканчивала школу и встал вопрос, куда поступать, уже существовал интернет и вузы на своих сайтах должны были выкладывать учебные планы по всем направлениям и специальностям. Я познакомила дочку с учебными планами, программами и перечнем знаний и умений, которые должен приобрести студент, в интересовавшем её диапазоне. Информации ей вполне хватило, чтобы выбрать и вуз, и специальность.

Находясь на кафедре, я многому научилась, например, с интересом и большой пользой для себя присутствовала при консультациях опытного педагога проф. Л. С. Высотиной с дипломниками, что мне впоследствии очень помогло. А. Н. Волкова не только знакомила меня с интересными методиками, переводами различных работ по психологии, но и, как замечательный практический психолог, оказала буквально бесценную поддержку в сложной семейной ситуации. Я могла бы назвать еще нескольких преподавателей кафедры, которых вспоминаю с теплым чувством благодарности и уважения.

Одним из основных минусов работы зав. кабинетом на кафедре, пожалуй, была железобетонная привязка по времени и месту: умри, но с 8:45 до 17:45 будь на рабочем месте. Однако это уравнивалось возможностью заниматься в это время чем угодно, если все текущие дела в порядке. Ах, какую кофту я связала! А какую книгу с рецептами латышской кухни проштудировала! — Последние прелести советского времени! Поэтому, когда «задул свежий ветер перемен», я с радостью ежедневно просматривала огромные пачки текущей прессы, выбирала интересные статьи и вешала их на кафедральную доску объявлений. А потом слушала мнения кафедрального народа по поводу прочитанного — самые разные были мнения.

Тем временем цены росли всё активнее, а зарплата замерла. Люди бросали привычные рабочие места, работу по специальности и пытались заработать — кто где и как мог.

Наконец, в начале 1991 г., освободилось и для меня местечко. Мужу моей подруги, врачу, который работал в НИИ экспертизы трудоспособности и организации труда инвалидов (всем известная старая аббревиатура ЛИЭТИН), разрешили организовать группу по проблемам социальной реабилитации. Там изучали разные аспекты медицинской, социально-бытовой и социально-трудо-вой реабилитации, нужен был как раз специалист моего профиля. Институт был третьей зарплатной категории и раньше других почувствовал нехватку кадров. Поэтому руководство вполне удовлетворили мои документы, и весной 1991 г. я, наконец, вернулась к исследовательской работе.

Первое время я просто наслаждалась тишиной. После жуткого гвалта и постоянно переполненной кафедры я получила возможность работать в отдельном кабинете, спокойно анализировать материалы, проводить интервью, печатать на персональной пишущей машинке статьи и отчеты (в отделе был всего один персональный компьютер). Впервые я столкнулась с избытком помещений, впрочем, скоро они были сданы в аренду — институт тоже выживал, как мог.

Наша группа занималась различными аспектами образа и уровня жизни инвалидов и их семей. Специально рассматривали семьи с детьми — инвалидами. Результаты и рекомендации передавались в профильные министерства, по чьим заказам мы работали. В основном, конечно, мы основывались на количественном анализе данных анкетных опросов, но дополняли их углубленными интервью с инвалидами и родителями больных детей. В двух словах, наши материалы доказывали неэффективность существовавших тогда видов социальной защиты (по формальным категориям и, тем более, — по заслугам) и необходимость перехода на адресную социальную помощь. Сейчас это общее место, а в те годы предоставление льгот, пособий не за заслуги, а потому что иначе просто не выжить, — было новым и не всеми приветствовалось. Раньше считалось, что самое тяжелое положение было у пенсионеров (по возрасту или по здоровью), но данные наших опросов показали, что это не так. Беднее других категорий оказались семьи с детьми, даже со здоровыми, а уж тем более — с детьми — инвалидами. Нужны были обследования в реальных семьях и именно срочная адресная помощь, с учетом жуткой инфляции.

По нашим данным 1990—94 гг., картина складывалась ужасная. Я боялась, что в недрах министерств — заказчиков выводы наших исследований просто утонут, поэтому, когда однажды в метро увидела председателя Ленсовета

А. Щелканова, тихо и одиноко дожидавшегося поезда, набралась решимости, подошла и вкратце рассказала о наших результатах. Он направил меня к депутату Ленсовета Н. Евдокимовой, которая занималась проблемами социальной защиты. Она познакомилась с нашим отчетом. По ее словам, он дал ей в руки аргументы для воздействия со стороны Ленсовета на совершенствование защиты социально незащищенных групп населения города.

Директором нашего института был один из бывших секретарей горкома или обкома, естественно, явно не довольный переменами в стране. И вот 19 августа 1991 г., когда утром мы все услышали, что в стране объявлено чрезвычайное положение, я, как и многие другие пассажиры, поехала на работу с включенным приемником. В кабинете я его не выключила, чтобы хоть как-то быть в курсе (на даче у меня оставались мама и дочка, я волновалась, не отменят ли электрички и т.п.). Внезапно, обходя свои владения, в мой кабинет входит директор, который явно надеялся, что путч вот-вот покончит с «этим безобразием» и всё вернется в прежнее русло. Он увидел включенный приемник и попытался устроить разнос, на что я вполне законопослушно возразила, что, поскольку объявлено чрезвычайное положение, могут последовать важные правительственные сообщения, а кабинет, в нарушение правил по гражданской обороне, не оборудован радиоточкой. И директор исчез.

На следующий день был митинг на Дворцовой площади. Я договорилась на работе, что поеду на дачу, т. к. мама, наверно, очень волнуется (тогда еще не было ни пейджера, ни мобильного телефона). А сама пошла на митинг. Метро работало, как ни в чём не бывало. Я вышла на канал Грибоедова и пошла по Невскому. Народ шёл, как на первомайской демонстрации, прямо посреди проспекта. Милиции было много, но я впервые в жизни видела улыбающихся, доброжелательных милиционеров, которые никого не осаживали, не разгоняли, а показывали дорогу, следили за порядком, не пускали транспорт на Невский. Я вошла на Дворцовую из-под арки Главного Штаба. Площадь была полна, буквально полна – от стены до стены. Слов ораторов было не слышно, не смотря на микрофоны и усилители. Но все видели: на трибуне Собчак и депутаты Ленсовета, лица участников митинга выражали не страх, а уверенность в победе и дружелюбие. Потом я поехала на дачу. Электрички ходили, работала городская телефонная связь, работало радио «Балтика». На третий день всё было кончено.

А в нашем богоспасаемом учреждении еще продолжали жить по-старому. Заботились о публикациях – не важно, кто их будет читать, зато это всегда был важнейший показатель твоей работы. Я всю жизнь была ленива и листаж для показухи не гнала – мне было ни к чему. Но в годы работы в ЛИЭТИНе наш зав. отделом, Анатолий Арнольдович Дыскин, воистину по-отечески заботился о публикациях своих сотрудников, и вообще заботился о нас, за что я ему очень благодарна.

Позже, ближе к концу работы в ЛИЭТИНе, мне поручили заняться «качеством жизни». Дело было так: вызывает меня как-то зам. директора по науке и говорит, что в последнее время в литературе часто стали писать не только об образе жизни и уровне жизни, но и о качестве жизни. Надо бы разобраться в соотношении этих понятий и на примере инвалидов с какой-либо конкретной патологией изучить факторы, влияющие на качество жизни этих больных.

В качестве примера предложила рассмотреть качество жизни инвалидов с такой распространенной патологией, как коксартроз бедренного сустава, который связан с постоянным, многолетним болевым синдромом и протезированием.

На основе проведенного литобзора и бесед с врачами я определилась с первоочередными задачами и составила гайд для интервью. На первом этапе нужно было определить спектр объективных и субъективных показателей состояния здоровья и качества жизни, значимых при этой патологии — в статике и динамике. На основе наблюдения за респондентами во время углубленного неформализованного интервью и контент-анализа его текста предполагалось выдвинуть гипотезу о возможных факторах, влияющих на качество жизни этих больных. В дальнейшем предполагалось с помощью различных методик проверить эту гипотезу, «взвесить» роль выявленных показателей и факторов качества жизни обследованных больных.

Институт располагал своей клиникой, поэтому я находила нужных мне больных и брала у них углубленные интервью разведочного характера, а также консультировалась с их врачами. Такую работу не проведешь быстро, т. к. в клинике одновременно находится от 1 до 3 больных, которых можно включить в выборку. Да это на первом этапе и хорошо: можно было искать и обдумывать. К сожалению, я успела обследовать слишком мало больных, чтобы сделать обоснованные выводы. Но, к моему удивлению, первые наблюдения показали, что качество жизни обследованных больных в большей мере определялось их личностными характеристиками, а не медицинскими параметрами, связанными с заболеванием (за исключением самых тяжелых случаев).

Продолжение работы могло быть очень интересным, но совершенно неожиданно в моей судьбе произошел крутой поворот.

Жизнь неимоверно подорожала. Я подсчитала, что, если платить за транспорт по всем правилам, то моей зарплаты не хватит, чтобы ездить на работу (она находилась на другом конце города и в один конец приходилось ехать 1,5 часа на четырех видах транспорта). До какого-то момента я пользовалась маминым проездным для блокадников, дававшим право на бесплатный проезд, пока его не отобрали. Однако даже если забыть о транспорте, моя зарплата позволяла или покупать какую-то еду, или оплачивать коммунальные услуги. Поскольку не есть мы не могли, то коммунальные услуги по 2—3 месяца не оплачивались — пока не приезжала Галя и не подбрасывала денежек.

И вдруг ...!!!

Мне всегда помогали друзья и коллеги. Вот и в этот раз один из бывших коллег по межинститутской лаборатории случайно услышал, что еврейской благотворительной организации требуется социолог, и тут же сообщил это мне, с оговоркой: «телефон найди сама и на меня не ссылайся». Я позвонила, меня тут же пригласили на собеседование и приняли на работу — прямо с завтрашнего дня (с октября 1995 г.). Даже заявление об увольнении в ЛИЭТИН я послала по факсу. Такая спешка объяснялась тем, что был проведен опрос, большой массив введен в компьютер и срочно нужен анализ и отчет.

Мне было страшно делать этот шаг — уволиться из государственного учреждения и поступить на работу в негосударственное, да ещё — существующее за счет иностранных благотворителей! Одолевали сомнения: «Кто знает, чем это

обернётся, подойдет ли моя подготовка и т.п.». Но поскольку работа в государственном учреждении просто больше не могла меня прокормить, другого выхода не было, и я решилась.

Действительно, неожиданный – явно перестроечный – поворот... что это была за еврейская благотворительная организация? Что показывали Ваши исследования?

В это время много иностранных международных неправительственных организаций в разных формах оказывали помощь гражданам новой России.

Прежняя служба государственного социального обеспечения совершенно не справлялась со своими задачами. Во-первых, катастрофически не хватало денег (в т. ч., из-за инфляции). Во-вторых, привычные формы оказались совершенно не адекватны новым условиям, но на их изменение, опять-таки, нужны время и деньги, а старики и инвалиды буквально каждый день страдали от недоедания, отсутствия адекватного ухода и лекарств. Понятие «социальная работа», а потом и соответствующая специальность в перечне специальностей, которые можно получить в вузе, появились в 90-е гг. Социально-бытового патронажа не существовало, был только медицинский. Если человек не мог себя обслуживать и не имел членов семьи, обязанных это делать, его полагалось забирать в интернат, с потерей жилья.

В этой ситуации выходом было развитие волонтерства, но такая форма социальной активности, как волонтерство, ещё не была распространена в нашем обществе. Надо было содействовать её развитию. У государства для этого не было ни материальных средств, ни квалифицированных кадров. Поэтому помощь международных неправительственных организаций была остро необходима и принята. В частности, в Россию, после многолетнего перерыва вернулся ДЖОЙНТ, американский еврейский распределительный комитет, который в своё время был выгнан из СССР. Как мне пояснили, ДЖОЙНТ аккумулирует благотворительные взносы евреев и распределяет их для помощи евреям разных стран. Непосредственно помощью в работе по созданию еврейских благотворительных центров в городах стран бывшего СССР занималось израильское отделение ДЖОЙНТа.

Помощь российским евреям заключалась не просто в распределении нуждающимся продовольственных посылок и одежды, а в создании организационной структуры, которая содействовала бы развитию волонтерства как инструмента благотворительной помощи. Территориально всё начиналось с Петербурга. Очень быстро был организован благотворительный центр «Хэсэд Авраам», в котором открыты отделы: «продовольственные посылки», «обеда на дом», «лекарства», «прокат реабилитационного оборудования» (противопролежневые матрасы, инвалидные кресла и т.п.), «патронаж» (социально-бытовой), «клуб» и др. Номенклатура отделов впоследствии изменялась в соответствии с требованиями времени. Основной объем работы по доведению услуг до подопечных хэсэда выполнялся волонтерами – после специального обучения. Вслед за Питером очень быстро открылись хэсэды в других городах – не только России, но и других стран бывшего СССР.

Коренной проблемой стала кадровая. Всё начиналось с деятельности нескольких энтузиастов — израильтян, по большей части, происхождением из СССР, вдохновленных возможностью не только помочь местным евреям, но содействовать возрождению еврейских общин в городах России и других стран бывшего СССР. Менее чем за год было куплено и отремонтировано помещение, где открылся институт общинных и социальных работников (позже Благотворительный фонд «ИСОР» был зарегистрирован в Петербурге и действовал в соответствии с российским законодательством). Целью деятельности института на первом этапе была первичная подготовка кадров руководителей региональных еврейских благотворительных центров, а также руководителей отделов в них. На втором этапе началась систематическая переподготовка и обучение вновь поступающего персонала. Параллельно проводились курсы для волонтеров. Учебные планы и программы курсов разрабатывались израильскими специалистами по различным направлениям социальной работы, менеджмента, еврейской истории. Они же приезжали проводить занятия. Постепенно подбирались и обучались местные (питерские) преподаватели.

Слушателями ИСОРа стали директора хэсэдов, руководители отделов и программ. В зависимости от учебного плана они приезжали в ИСОРа на сессии из всех стран бывшего СССР, как студенты — заочники, чаще — не один, а несколько раз. Они не только слушали лекции, но и знакомились между собой, обменивались опытом. В конце курса слушатели — директора писали дипломную работу.

Со временем ИСОРа, аналогичные питерскому, появились еще в нескольких регионах, поскольку действовал принцип постепенной передачи процесса подготовки кадров на места, кроме того, просто дешевле привезти на занятия нескольких преподавателей, чем всех слушателей.

В начале своей работы в ИСОРе я была совершенно не в курсе ни еврейской, ни волонтерской проблематики. В нашей нерелигиозной семье не соблюдались никакие специфические еврейские традиции, я о них просто понятия не имела. Ни слова «кашрут», ни каких-либо его правил я не слышала. При приеме на работу никаких особых требований мне не ставили, не спрашивали ни об отношении к религии, ни о знакомстве с еврейскими традициями. Очевидно, ответ был заранее известен.

Одним из бонусов работы в ИСОРе были обеды (в те годы это было весьма существенно), которые готовила повариха, знавшая и соблюдавшая на своей кухне кашрут. Через несколько дней пребывания на новой работе я спросила: «Почему на обед нам всегда дают рыбу?». Мне объяснили, что можно и мясо, но тогда придется иметь для мясного отдельную посуду и отдельное оборудование на кухне. Между употреблением мяса и молочных продуктов должен быть перерыв: после мясной трапезы перед молочной — не менее 6 часов, после молочной до мясной — не менее одного часа. «Почему?» — спросила я. Религиозное объяснение было кратким: «Так написано в Торе. Таковы правила кашрута». Никакого естественнонаучного объяснения я не получила, оставалось только смириться с простым правилом: в помещение столовой не вносить ничего мясного, а как я узнала позже, во время Пасхи во всех помещениях не должно быть никаких злаков, круп, выпечки из муки — только из мацы.

Вернемся к моей работе в ИСОРе. К моменту моего приема на работу в 12 городах четырех стран бывшего СССР был проведен анкетный опрос пожилого еврейского населения, большой массив анкет был введен в компьютер. Надо было срочно заказать таблицы, провести их анализ и написать отчет. Обработка массива была заказана в другой организации. Тогда я впервые увидела, как проходит заказ и расчет таблиц на персональном ПК. Программист, в отличие от большинства его коллег, оказался вполне доступным к общению — не заумничал, а спокойно и доступно всё объяснил. Впоследствии мне оплатили посещение компьютерных курсов и предоставили хороший компьютер. Сначала я ничего не понимала в англоязычной версии программы, но, повозившись, разобралась — статистику-то знаю. Вот тогда началась «песня» — всё в моих руках!

А пока, получив таблицы, я должна была за 2–3 недели написать отчет. Я попросила пишущую машинку, ленту, копирку и помещение с дверью. И тут я увидела, как можно работать без бюрократизма: у одной из сотрудниц дома нашлась пишущая машинка «Эрика», завхоз сбегал в магазин за лентой для нее, а копирка не потребовалась, т. к. к КСЕРОКСу каждый не только допущен, а просто должен использовать его самостоятельно. Для меня всё это было удивительно — ведь я всю жизнь на работе перед праздниками прятала свою машинку под стол, а ксерить ходила даже не к секретарше, а в кабинет директора института. Мне выделили кабинетик — действительно с дверью, но без звукоизоляции, и следующие 3 недели весь офис жил под стук моей машинки. Отчет я сдала вовремя, написала его так, как делала это раньше. Однако потом, когда надо было изменить формат, превратив текст в книгу, я долго мучилась: в ДЖОЙНТе принят другой, совершенно непривычный нам формат, начиная с чисто внешнего оформления текста, стиля изложения и кончая аргументацией³.

Целью исследования было изучение доступности социальных и медицинских услуг пожилому еврейскому населению стран СНГ и выявление наиболее актуальных потребностей.

По репрезентативной выборке в июне — августе 1995 года было опрошено 3258 пожилых евреев (55 лет и старше) в 10 городах СНГ.

Сравнение полученных данных с результатами других обследований показало, что еврейское пожилое население отличалось от всего пожилого населения СНГ⁴ большей долей небольших семей и одиночек.

Половина опрошенных не могла полагаться на помощь детей в повседневной жизни. Более чем у половины не было родственников в городах, где они жили. Фактически, одна из самых важных проблем, упомянутых респондентами, — изоляция (одиночество).

Финансовое положение респондентов оказалось крайне затруднено. Во время исследования месячный доход большинства из них в России и Беларуси составлял 30 — 50 долларов США, а в Украине — 10-20 долларов США. Многие вынуждены были продавать вещи, чтобы удовлетворить основные потребности в пище, лекарствах и одежде до следующей выплаты пенсии. Питание

³ Amos Avgar, Nadia Singer, Maria Alesina. Accessibility to Social and Medical Services of the Jewish Elderly in the C.I.S. // Амос Авгар, Надя Зингер, Мария Алесина Доступность социальных и медицинских услуг пожилому еврейскому населению стран СНГ. СПб., 1997.

⁴ Оценка влияния новых законодательных актов в области пенсионного обеспечения на уровень жизни нетрудоспособного населения. Заключительный отчет по теме. СПбНИИ экспертизы трудоспособности и организации труда инвалидов. Санкт-Петербург, 1994.

большинства включало преимущественно хлеб, кашу и самые дешевые овощи. Трети опрошенных не хватало денег для покупки основных продуктов питания, а 4% даже сказали, что голодают.

У большей части обследованных было плохое состояние здоровья: около половины имели более трех хронических заболеваний. Примерно половина ограничена в движениях; среди них 21% с трудом выходили из дома или передвигались только внутри дома, а 2% были прикованы к постели, 37% имели официально оформленную инвалидность. Четверть респондентов нуждалась в больничном лечении, однако госпитализация этих людей была особенно затруднена. Примерно половина нетрудоспособных респондентов, имеющих слабое здоровье, испытывала недостаток в таком простом оборудовании, как костыли, кресла на колесах и слуховые аппараты. 40% респондентов сообщили о нехватке социальных работников. Возможности государственной системы социального обслуживания были существенно меньше потребностей и во многих случаях социальный работник нерегулярно посещал даже тех пожилых людей, кто жил один и не мог выходить из дома.

Книга содержала также предварительные данные о деятельности волонтеров еврейских благотворительных организаций: характеристики волонтеров, мотивы их участия в добровольной работе; мотивы отказа от нее.

К концу работы над нашим первым исследованием прояснились направления моей дальнейшей работы.

- Во-первых, плановые большие, трудоемкие эмпирические исследования. Они выполнялись по заказу ДЖОЙНТа. Теоретическую часть разрабатывал авторский коллектив из института Брукдейла (Израиль). Я участвовала только в получении, обработке и анализе эмпирического материала, а также написании текста на его основе. Я работала не самостоятельно: мой руководитель по социологической части, Н. Зингер, постоянно находилась в Израиле, изредка приезжая в Питер. Она по-прежнему требовала жесткого соблюдения принятого формата, что периодически вызывало трудности, но воспринималось как неизбежность. На мой взгляд, такой подход ограничивал глубину и эвристичность анализа, но, м.б., создавал удобство для чтения «людям, принимающим решения», а также давал возможность вставлять наши тексты, как кирпичики, в другие, однотипные — но это только мои домыслы, мне никогда не приводили аргументацию.

- Во-вторых, небольшие исследования местного масштаба, не требующие привлечения дополнительных средств. Они проводились мною (иногда с помощником) по заданию местного руководства — первого директора ИСОРа Б. Халлера, первого директора хэсэда И. Сабага, или по моей инициативе. Тут я была свободна и в методе, и в формате — был бы результат.

- В-третьих, в качестве бонуса, я могла при желании провести любой анализ имеющегося в моём компьютере материала, выходящий за рамки требований, — просто для интереса, как я всегда раньше хотела, но только сейчас получила эту возможность. Так я получала массу интересных результатов — и в содержательном, и в методическом плане.

- И наконец, довольно скоро меня привлекли к организации и участию в учебном процессе (учебно-тематические планы, контакты с преподавателями, расписание и т. п.). Тут-то мнегодились и знания, приобретенные на кафе-

дре педагогики и психологии ВПШК, и опыт преподавания. Только теперь мне нужно было рассказывать слушателям о результатах собственных исследований, а также руководить подготовкой некоторых дипломных работ.

Пока директором ИСОРа оставался Б. Халлер (6 лет), мне всегда было приятно делиться с ним своими «открытиями», т. к. он искренне интересовался результатами исследований и ждал их. Вообще он был прекрасным руководителем, с необыкновенно широким диапазоном внимания. Он одновременно держал в поле «мысленного зрения» необыкновенное количество разнородных и разноуровневых событий, людей, проблем. И ухитрялся их очень мудро, с учетом далёкой перспективы, раздуливать. Он бережно выращивал команду сотрудников, воспитывал в них качества и манеру поведения, необходимые для успешной работы в не привычных прежде условиях и в не привычной прежде сфере. Он был умелым посредником между «внешними» инстанциями и своими сотрудниками, принимая на себя многие проблемы, связанные с взаимным непониманием. В России такой замечательный руководитель работал бы с созданным им коллективом долго или, к сожалению сотрудников, ушел бы на повышение. А в ДЖОЙНТе — иначе: закончился контракт — всё! Принцип систематической замены: периодически изменяется структура организаций, сотрудники передвигаются на другие рабочие позиции, состав работников обновляется и т.д.

Через три года с начала работы хэсэдов был проведен опрос их подопечных. цель — выявление эффективности предоставляемых услуг и удовлетворенности клиентов услугами, а также выявление «узких мест» в работе хэсэдов.

Опрос проведён в марте-апреле 1998 года по выборке 3945 человек. Полученная информация предназначалась руководителям проектов и сотрудникам ДЖОЙНТа, работающим в странах СНГ, директорам и работникам хэсэдов, лидерам местных еврейских общин и т. п.

Мое участие начиналось с пилотажа текста вопросника, полученного от Н. Зингер. Всю работу по организации опроса я проводила из Петербурга — по телефону и интернету. В каждом городе, включенном в выборку, подбирался руководитель полевых работ — социолог. В его функции входили: набор и обучение интервьюеров, руководство ходом опроса, включая соблюдение условий выборки, проверка качества заполнения вопросников. Работа интервьюеров в каждом городе проверялась независимым контролером. Было проверено около 15% интервью.

После получения всего массива, прежде чем передать его на ввод в компьютер, мы сами еще раз проверили качество заполнения каждого бланка. Специально для этой трудоемкой работы, требующей повышенного внимания и хорошей оперативной памяти, мне, в качестве исключения, разрешили привлечь дочь. Она отнеслась к делу со всей ответственностью, перелопатив более чем за месяц весь массив и найдя небольшой процент брака — везде, за исключением одного города, где железной рукой дочери было забраковано 12% бланков — из-за множества логических ошибок в их заполнении. Так началась карьера моей дочери.

Ввод информации в компьютер проводила сторонняя организация в июне 1998 г., закрытие открытых вопросов и компьютерную обработку (расчет таблиц и подготовку издания) — я с помощницей, Ксенией Притулой.

По материалам опроса издана книга⁵, состоящая из трех глав. В главе I приводится краткая характеристика системы хэсэдов, их функции и перечень основных услуг. В главе II описывается методология исследования – цели и задачи, вопросник, выборка, особенности проведения опроса. В главу III (параграфы 3.1–3.5) помещены таблицы, содержащие распределение ответов респондентов на вопросы, сгруппированные по наиболее существенным, с точки зрения целей исследования, признакам: по странам, городам, возрасту, составу семьи, уровню подвижности респондентов.

По этим материалам были написаны три статьи с анализом эффективности работы основных программ хэсэдов^{6 7 8} и указанием направлений дальнейшей работы.

В 2001 г. по итогам девятилетнего опыта работы было проведено следующее большое исследование по оценке хэсэдов. Оно состоялось по заказу отдела благотворительных программ ДЖОЙНТа, для того чтобы лучше понять процессы, происходящие в хэсэдах, и определить политику их дальнейшего развития, Участвовали: институт Брукдейла (Израиль) и Санкт-Петербургский ИСОП. Работа «в поле» осуществлялась региональными ИСОПами под нашим руководством.

Оценка хэсэдов касалась следующих аспектов:

- Благотворительные услуги, предоставляемые хэсэдами.
- Волонтеры и их работа в хэсэдах.
- Обучение сотрудников и волонтеров хэсэдов.
- Связь хэсэдов с городскими муниципальными службами, а также – другими еврейскими организациями и ведущими представителями общин.
- Хэсэды как движущая сила возрождения еврейской общины.
- Общая оценка хэсэдов.

Сравнивались точки зрения различных категорий участников жизни хэсэдов. Осенью 2001 г. было опрошено 8 директоров и 445 штатных сотрудников хэсэдов, 1022 волонтеров, 1876 подопечных, 1116 работников служб ухода на дому, а также 74 представителей общин из восьми городов, включенных в исследование.

Как и в предыдущем случае, я получила от Н. Зингер вопросники, дистанционно организовала и координировала проведение полевых работ, а потом занималась расчетом таблиц и количественным анализом полученного материала.

По итогам опроса членами авторского коллектива было написано 7 отчетов, изданных на английском и частично – на русском. Мне был поручен отчет по результатам опроса волонтеров (в соавторстве с Мири Бараш, курировавшей тогда ИСОП от ДЖОЙНТа). От меня категорически требовали, чтобы сначала

⁵ Амос Авгар, Мария Алесина, Надя Зингер, Бенни Халлер. Хэсэды – система еврейских общинных благотворительных центров в бывшем СССР. Эффективность услуг хэсэдов. итоги социологического опроса клиентов еврейских благотворительных центров. Санкт-Петербург, 1999.

⁶ Продовольственные программы хэсэдов / А. Авгар, М. Бараш, Н. Зингер, О. Иванов, М. Алесина, К. Урюпина – СПб.: ИСОП, 2001.

⁷ Ч. II: Медицинские услуги хэсэдов и прокат реабилитационного оборудования / А. Авгар, М. Бараш, Н. Зингер, О. Иванов, М. Алесина, К. Урюпина – СПб.: ИСОП, 2001.

⁸ Патронажные услуги хэсэдов по уходу за престарелыми на дому / А. Авгар, М. Бараш, Н. Зингер, О. Иванов, М. Алесина, К. Урюпина – СПб.: ИСОП, 2001.

был подготовлен английский текст, а потом — русский перевод. Поэтому все таблицы д.б. рассчитаны по англоязычной матрице, а потом расписаны по стандарту, о котором я говорила выше.

Уж не знаю, какой в этом был смысл. М.б., кому-то казалось, что так будет быстрее, но для меня было очевидно, что всё запутается и затянется. Так и вышло. Можно соблюсти стандарт, но нельзя им ограничиваться, иначе, втискивая обнаруженные факты и закономерности в прокрустово ложе пресловутого стандарта института Брукдейла, перестаешь быть исследователем и практически становишься насильником над тобою же честно добытым эмпирическим материалом. На это я была не готова. М.б., предвидя это, Мири надеялась, что, работая с английскими таблицами, я не замечу тех проблем, которые я всё-таки заметила и отразила в тексте, стараясь, по возможности, оставаться в стандарте. Но в паре случаев это оказалось невозможно.

Во-первых, анализируя роль различных причин включения респондентов в волонтерство (из 20, приведенных в вопроснике), пришлось воспользоваться факторным анализом. Во-вторых, необходимо было сделать методическое замечание о влиянии шкал на достоверность результатов опроса, обратив внимание на разницу распределений ответов в зависимости от порядка их расположения в вопроснике. В общем, я представила английский текст в таком виде, как сочла нужным. Но Мири попросила сотрудницу ИСОРа Раю Бурштейн внести нужную правку в английский текст и такой вариант был издан⁹. Мне об этом не сообщили, а русский перевод так и не сделали.

Я уже занялась другими делами и не следила за этой историей, пока в 2009 г. в связи с размещением работ отдела исследований на сайте меня не попросили передать все работы отдела исследований. И тут я обнаружила отсутствие русской версии отчета о волонтерах и по рабочим текстам из своего компьютера восстановила мою версию отчета, снабдив ее пояснением.

За следующие годы я забыла все эти подробности, но сейчас, рассказывая о своей работе в ИСОРе и дойдя до волонтерского отчета, я не обнаружила его рядом с другими. Зато, покопавшись в других директориях, нашла «восстановленную русскую версию» с пояснением и всё вспомнила.

Маша, пожалуйста, поделитесь Вашей информацией.

Привожу «неформатный» фрагмент резюме отчета по волонтерам, посвященный мотивации волонтерской деятельности, который был выброшен из английской версии:

Мотивация волонтерской деятельности в хэсэде

Мотивация волонтерской деятельности — ключевой вопрос движения хэсэдов. Респондентам предложили выбрать из перечня 20-и возможных причин, побуждающих людей включаться в жизнь хэсэда, 3 самые основные, которые сыграли важную роль в решении стать волонтером. Чаще других выбирались такие причины: возможность избежать одиночества и скуки, познакомиться с новыми людьми и расширить круг

⁹ Hesed Evaluation Study: Jewish Identity, Community Orientation and Voluntarism. Report Number 3: Findings from a Survey of Volunteers. Maria Alesina and Miri Barasch. The William Rosenwald Institute for Communal and Welfare Workers, Jerusalem. 2003.

общения, участвовать в культурных мероприятиях и мероприятиях для волонтеров. Это полностью соответствует 1 фактору – «общение» (см. ниже).

Факторы мотивации: с помощью процедуры факторного анализа выявлено 4 фактора (4 группы причин), которые играют важную роль в решении стать волонтером. По смыслу причин, вошедших в эти группы, факторы получили названия: 1 – общение; 2 – еврейская направленность; 3 – самореализация; 4 – материальный фактор.

Обнаружена разница в структуре мотивов волонтерской деятельности между возрастными группами. Для самых молодых волонтеров более значимы общение и особенно – самореализация, но менее значимы еврейская направленность деятельности и материальный фактор.

Интересна структура мотивов в возрасте 50–59 лет, т. е. при переходе в «третий возраст»: по сравнению с другими возрастными группами, все мотивы максимально значимы. Иерархия мотивов изменяется в направлении, характерном для пожилых. Более значимой становится еврейская направленность волонтерской деятельности и менее значимой – самореализация.

Стаж волонтерской работы не играет существенной роли в структуре мотивов включения в волонтерство, т.к. потребности, присущие людям определенного возраста, за годы существования хэсэдов не изменились. (Изменение структуры мотивов волонтера за время работы в хэсэде в рамках настоящего исследования не рассматривалось, но оно было обнаружено И. Сабагом и было подробно исследовано мною по его просьбе. В данном тексте я эти результаты не привожу, т. к. останавливаюсь только на «больших» исследованиях).

А вот другой фрагмент отчета по волонтерам, также выброшенный из английской версии. Он посвящен методическому вопросу – влиянию шкал на достоверность результатов:

Методическое замечание:

о влиянии шкал на достоверность результатов опроса

Поскольку общая оценка хэсэда – ключевой вопрос, очень важно было получить на него ответ без искажения, вызванного желанием некоторых респондентов приукрасить картину, никого не обидеть и т. п. В социологии давно известно, что в таких случаях ответ респондента может существенно зависеть от того, как расположены варианты ответа. Если на первое место поставить наиболее социально одобряемый вариант (в нашем случае: «удовлетворен в большой степени»), то его выберет большее число респондентов. К сожалению, я не имела права ни изменить расположение вариантов ответов, ни скорректировать перевод на русский, поскольку предполагалось сравнение с данными других исследований. Однако по неизвестной мне причине авторы продублировали самый важный вопрос в другом месте вопросника. При этом – с другим расположением вариантов ответа. Поэтому, предпо-

лагая возможность искажения, смещения результатов опроса и желая оценить масштаб этого смещения, я сравнила ответы на 2 практически одинаковых вопроса.

205. В целом удовлетворены ли Вы своей деятельностью в хэсэде? (оранжевые столбики на рис.)	373. В целом удовлетворены ли Вы своей деятельностью в хэсэде? (голубые столбики на рис.)
1. В большой степени	1. Не удовлетворен
2. В определенной степени	2. В некоторой степени
3. В малой степени	3. Удовлетворен
4. Совсем нет	4. Очень удовлетворен

Как мы видим, тексты обоих вопросов идентичны. Отличие — только в расположении вариантов ответов. В первом вопросе на первое место помещен наиболее одобряемый (желательный) из них, а во втором — наоборот. Это не могло не сказаться на распределении ответов респондентов (см. рис.).

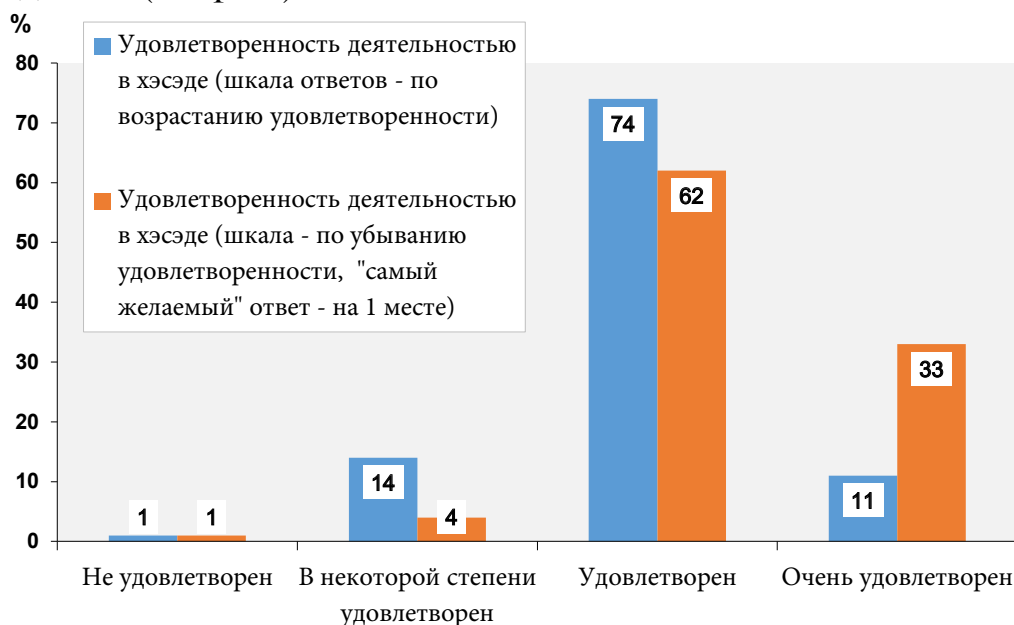

Рис. Зависимость ответа на вопрос об удовлетворенности своей деятельностью в хэсэде от расположения вариантов ответа

Голубые столбики — это распределение ответов респондентов на вопрос, когда ответ «очень удовлетворен» расположен на четвертом месте, в конце шкалы.

Оранжевые столбики — это распределение ответов на «перевернутой» шкале, когда ответ «очень удовлетворен», наиболее «социально одобряемый в данном окружении», расположен на первом месте.

Отчетливо видно смещение ответов вправо, т. е. в сторону большей удовлетворенности — в сторону социально одобряемого варианта ответа.

Подобных вопросов, с «перевернутыми шкалами ответов», было довольно много и, разумеется, совершенно случайно все они касались проблем национального самосознания, как будто автор, из уважения к предмету, не мог поставить на первое место негативный вариант. К сожалению, мы не могли проверить степень

смещения ответов на все эти вопросы, но при анализе полученных результатов следует иметь в виду, что здесь возможно смещение ответов в сторону «социально одобряемого». С учетом этого в тексте отчета мы поместили звездочкой (*) все случаи использования «перевернутых» шкал, снабдив их примечанием со ссылкой на это методическое замечание.

Кстати, здесь уместно сделать оговорку, что я не буду в дальнейшем касаться анализа ответов на вопросы по проблемам национального самосознания — как по методической причине, указанной выше, так и просто потому, что не считаю себя достаточно компетентной, чтобы спорить со специалистами института Брукдейла, хотя во многом я с ними была не согласна.

Вернемся к самому отчету, посвященному мнению волонтеров по оценке хэсэдов. Опрос проходил в октябре-декабре 2001 г. по случайной выборке.

Были опрошены 1022 волонтера восьми хэсэдов на территории России, Украины и Беларуси; 88% респондентов заполняли анкеты в группах в помещениях хэсэдов, а 12% — в ходе индивидуальных интервью на дому.

Мы зафиксировали многие характеристики волонтеров: демографические, социальный статус, экономическое положение, национальную самоидентификацию и ее понимание, социальную активность вне хэсэда.

Были подробно рассмотрены различные аспекты «жизни» волонтеров в хэсэде: привлечение волонтеров в хэсэд, методы привлечения и отбор волонтеров, мотивация включения в волонтерство, проблемы «воспитания» волонтеров (поощрения, удовлетворение потребностей волонтеров в услугах хэсэда, волонтеры — они же подопечные).

Проанализированы проблемы, связанные с самой волонтерской работой — ее видами, продолжительностью и переменой видов работ. Специально рассмотрена роль волонтеров в помощи подопечным на дому, соотношение с работой гос. службы патронажа и патронажными работниками хэсэда.

Были изучены отношения волонтеров со штатными работниками, другими волонтерами и подопечными, особенно — в связи с тем, что неудовлетворенность отношениями с подопечными чаще других называлась волонтерами причиной неудовлетворенности своей жизнью в хэсэде.

Проанализированы также вопросы, связанные с уходом волонтеров из хэсэда. Выявлено 4 фактора текучести. Обнаружены различия в мнениях волонтеров разных возрастных групп о причинах текучести. Например, волонтеры моложе 50 лет считали, что самые важные причины текучести связаны с сущностью работы волонтеров. Менее важной причиной текучести респонденты сочли дефицит поощрений.

Зафиксированы разные мнения респондентов по проблеме: «что делать с волонтерами-ветеранами, которые в связи с ухудшением состояния здоровья уже не могут справляться с той работой, которая прежде была им по силам».

Было установлено, что 85% респондентов в целом удовлетворены своей деятельностью в хэсэде, 2/3 считали ее интересной.

Сравнивая степень удовлетворенности волонтеров различными сторонами своей деятельности, мы обнаружили, что около 80% респондентов были удовлетворены различными аспектами своей работы, за исключением поведения подопечных. Более всего волонтеры удовлетворены уровнем своей ответствен-

ности и независимости в работе, уровне сложности и признанием важности их работы, отношениями со штатными работниками, общей атмосферой в хэсэде, условиями работы.

Основная причина неудовлетворенности (24%) — это грубость и неблагодарность некоторых подопечных, которые, в силу своих возрастных и характерологических особенностей, подчас не в состоянии понять разницу между волонтерами и работниками государственной службы социального обеспечения, и поэтому требуют от волонтеров, говорят с ними грубым тоном. Эту привычку они приобрели в борьбе со служащими государственных учреждений и теперь не понимают, что хэсэд, в отличие от райсобеса, помогать не обязан, что они получают добровольную помощь со стороны доброжелательных людей.

Была также получена информация об обучении волонтеров, рассмотрена оценка волонтерами различных учебных курсов и рекомендации по совершенствованию организации и содержания обучения.

Через несколько лет после этого исследования начался новый этап жизни хэсэдов: с каждым годом снижалось финансирование со стороны ДЖОЙНТа. Хэсэды должны были найти способы выживать и жить дальше. По какому пути пошли большие и небольшие хэсэды? Как это отразилось на волонтерах?

В мае-ноябре 2007 г. по заказу «ДЖОЙНТа» было проведено комплексное исследование «Актуальные проблемы волонтерства в хэсэдах России».

Целью исследования было изучить роль волонтеров в деятельности хэсэдов России в условиях снижения финансирования ДЖОЙНТом.

Впервые мы столкнулись с необходимостью обойтись своими силами (М. Алесина, Е. Гусакова, Л. Наджафова), без найма временных исполнителей. С учетом этого обстоятельства были выбраны соответствующие план и методы исследования.

На первом этапе мы провели анализ достоверности и возможностей использования базы данных волонтеров как источника текущей информации о них, а также выборочный телефонный опрос волонтеров, включенных в базу. После этого мы сравнили информацию от этих двух источников.

Предварительный анализ состояния базы выявил неполноту, несвоевременность и искаженность вносимых сведений. Это обусловило необходимость эмпирической проверки достоверности базы по числу волонтеров (в т. ч. — в каждой организации), по структуре (пол, возраст и волонтерский стаж), по регионам России, по причинам повторного упоминания некоторых волонтеров в базе данных (участие волонтеров в работе нескольких организаций и дублирование списков некоторых организаций — под разными названиями).

Проверка показала, что лишь 65% респондентов на момент опроса оказались волонтерами. Обнаружена очень большая вариативность результатов проверки в разных организациях. В базе оказалась завышенной доля «молодых» волонтеров и заниженной — более пожилых. Обнаружено большее разнообразие и несколько другая структура занятости волонтеров, по сравнению с данными базы, а также — дублирование списков некоторых организаций — под разными названиями.

В связи с перспективой изменения структуры занятости волонтеров в ситуации снижения финансирования мы сочли актуальным продемонстрировать в отчете примеры использования базы данных волонтеров:

- Как изучение «параллельной» занятости волонтеров, участвующих сегодня в продуктивном сервисе, можно использовать для будущего изменения структуры их занятости в соответствии с перспективными потребностями хэсэда.

- Как, используя базу данных волонтеров, можно на уровне каждого региона провести более подробный ретроспективный анализ формирования возрастной структуры волонтеров. Это позволит строить количественные прогнозы и выработать более обоснованную стратегию рекрутинга волонтеров и последующей работы с ними.

По итогам I этапа исследования у нас создалось впечатление, что люди, ответственные за полноту, качество и своевременность внесения изменений в базу, не вполне понимают, зачем нужны эти полнота, качество и своевременность, не представляют себе возможностей и значения мониторинга для управления ходом развития волонтерского движения как основы деятельности хэсэдов. Отсюда – обнаруженные недостатки.

На втором этапе мы провели анализ мнений руководителей программ, отделов и самих волонтеров о роли волонтеров в деятельности хэсэда – отдельно – большого и небольшого.

Методы сбора информации: неформализованное интервью с руководителями программ хэсэда, непосредственно связанными с волонтерами; анкетный опрос волонтеров большого хэсэда и неформализованное интервью с волонтерами небольшого хэсэда. Интервью записывались на диктофон и впоследствии транскрибировались.

Методы анализа информации:

Сравнительный качественный анализ интервью 2007 г. с руководителями программ (отделов) обоих хэсэдов и волонтерами небольшого хэсэда.

Сравнительный количественный анализ массивов анкет 2001 и 2007 гг. волонтеров большого хэсэда.

В результате сравнительного анализа полученных материалов были выделены общие и специфические тенденции изменений в обоих хэсэдах, проявившиеся при снижении финансирования.

Если до снижения финансирования постоянно шла речь об увеличении числа волонтеров, то теперь и руководители, и волонтеры считали, что волонтеров в хэсэде достаточно.

Среди трудностей работы с волонтерами в обоих хэсэдах отмечены следующие. Основная часть волонтеров – пенсионеры. У них сложно проходит адаптация к любым изменениям; есть трудности с осознанием задач, стоящих перед программами и хэсэдом в целом; нет ясного представления о типах и качествах волонтеров, перспективных для работы сегодня и завтра; есть трудности с проявлением инициативы (несмотря на то, что все отмечают ее важность и необходимость в работе).

Между работниками и волонтерами проявились барьеры в осознании задач и направлений развития хэсэдов.

Выявлены проблемы с привлечением и использованием молодых волонтеров и волонтеров из «среднего класса»: сотрудники и волонтеры обоих хэсэдов склонны были рассматривать волонтеров «из среднего класса» лишь как спонсоров, способных оказать финансовую помощь.

Текучесть волонтерских кадров – низкая. Возможность продолжать работу – наивысшая ценность для волонтера, перевешивающая все недостатки.

В связи с сокращением финансирования респонденты отмечали вынужденное сокращение обучения и переход на обучение «своими силами». При этом они ощущали большую потребность в обучении силами привлеченных специалистов и в обмене опытом.

Оба хэсэда склонны были не только искать новые пути привлечения средств, но, прежде всего, сокращать текущий объем работ.

Специфические тенденции изменений в деятельности большого и небольшого хэсэдов при снижении финансирования я свела в таблицу, чтобы нагляднее можно было увидеть разницу в путях их выхода из проблемной ситуации.

	Большой хэсэд	Небольшой хэсэд
Изменения в хэсэде, связанные с сокращением финансирования	Сокращение бюджета и структуры программ. Сдача в аренду части помещений. Это вызвало ухудшение условий работы и общения волонтеров – одного из самых сильных мотивов их участия в работе. Но только в процессе общения внутри команды и действуют психологические закономерности сплочения, усвоения групповых норм	Сокращение количества штатных сотрудников.
Изменения в принципах работы волонтеров	Выработка более высоких требований к качеству и регулярности работы волонтеров. Разработка и внедрение договоров, испытательного срока.	Четких требований к волонтерам по частоте посещения и объему работ нет.
	Структура деловых отношений стала всё более напоминать производство, бизнес-структуру.	Структура деловых отношений напоминает общественную организацию. Проводится работа по созданию таких отношений.
Привлечение разных контингентов волонтеров, в т. ч., молодежи и «среднего класса»	Проблема субъективно не воспринимается как острая. Решение видят в создании программ, интересных для подобных волонтеров. Однако пока таких программ, по словам руководителей, нет.	Пока они участвуют только в культурных и семейных программах. Есть проблема приобщения их к социальным программам. Проблема замкнутости волонтерских групп: пенсионеры не готовы сотрудничать с более молодыми; о представителях «среднего класса»: «обеспеченные люди».
Чувство принадлежности к общине	Это чувство снизилось, в работе сократилась значимость национальной составляющей. В условиях расширения рынка труда в городе это означает снижение конкурентоспособности хэсэда, а как следствие – трудности с привлечением новых волонтеров, отвечающих повышенным требованиям	Работа направлена на развитие общинных ценностей. В этом видится один из путей адаптации к внешним изменениям.

У нас была возможность сравнить результаты опроса волонтеров большого хэсэда в 2001 и 2007 гг.

Оказалось, что хэсэд пока не испытывает недостатка в волонтерских кадрах, поскольку имеет большой запас прочности, накопленный на предыдущем этапе своей деятельности. Однако, предвидя скорое проявление этих трудностей вследствие естественного движения кадров, хэсэд готовится к ним, двигаясь по пути профессионализации, отношение к которому не однозначно. Здесь очень важно пройти между Сциллой и Харибдой – ужесточением требований к качеству работы волонтера и превращением его в бесплатного работника, игнорируя особенности его мотивационной структуры.

Негативные изменения, выявленные в ходе сравнительного анализа материалов опросов 2001 и 2007 гг., на наш взгляд, могут объясняться, например, так:

Опрос 2001 г. проводился на пике развития хэсэдовского движения, при максимальном его финансировании. В этот период хэсэдовское движение перешло от создания хэсэдов – к общине. Акцент в работе делался не только на социальных программах, особенно с пожилыми, но и на работе с другими целевыми социальными группами. Рядовые волонтеры вписывались в этот более широкий контекст.

Контингент волонтеров того времени был выращен, воспитан первым поколением лидеров, особенно велика роль психологического воздействия на этот процесс И. Сабага, каждое выступление которого, от публичного до вполне камерного, содержало и постановку цели, и пояснение связи «дальней цели» с ближайшими задачами деятельности именно этих людей, и всестороннюю аргументацию, включая историческую. И всё это – с достаточно сильной эмоциональной окраской.

Всегда подчеркивалась бесплатность, благотворительный характер деятельности. Ради этого запрещались переходы из волонтеров на платную работу, чтобы и мечты такой не могло возникнуть.

И вдруг – перелом! – финансирование уменьшается и будет уменьшаться дальше. Некоторые программы закрываются, помещений не хватает, но они – источник дохода, поэтому сдаются в аренду. Нам не известно, существовала ли стратегия выживания или только тактика, в какой момент она возникла и в какой – доведена до различных участников (от директора и руководителей программ до рядовых волонтеров и даже подопечных) – и доведена ли вообще.

Все силы были брошены на выживание, на сохранение социальных программ. Остальное отошло на задний план. произошла частичная замена целей: то, что раньше было методом достижения цели (социальные программы), стало восприниматься как самостоятельная цель, тогда прежняя цель, «развитие общины», отдаляется и становится субъективно менее осязаемой. Соответственно, изменяется и мотивация волонтеров.

Итак, в условиях снижения финансирования ДЖОЙНТом в деятельности хэсэдов России произошли изменения в роли и месте волонтеров.

1. Если понимать работу волонтера в социальной программе как метод приобщения его к жизни и ценностям общины, а команду волонтеров – как ценность, как среду, ради нахождения в которой волонтер делает многое, тогда

надо постоянно заботиться о развитии этой среды. Чтобы каждый член команды чувствовал, а не только знал, и цель, и методы, видел поддержку, команда должна, как минимум, где-то собираться.

Чтобы чувствовать себя единым целым, команда должна не только собираться, но и обсуждать важные для себя вопросы и вместе вырабатывать решения. Без этого процесса команда деградирует, распадается, остаются только отдельные волонтеры — помощники штатных работников.

Вообще исчезает цель, о которой говорилось выше, а остается сеть социального обслуживания и почти единственный стимул для волонтера — ощущение своей индивидуальной миссии (имеющей моральную основу — не важно, религиозную или нет) — помощи подопечным.

2. Обнаруженные негативные изменения могут быть в значительной мере нивелированы умело проводимым постоянно действующим тренингом. Но он должен быть не традиционно понимаемым «процессом обучения», а психологически тонко выстроенным, с учетом сути процессов, изложенных выше.

Раньше эту роль во многом играли семинары, которые проводил ИСОР, с привлечением специалистов, дифференцированно — для разных контингентов, с учетом актуальной проблематики, которую каждый раз указывал руководитель группы, для которой планировался семинар.

В связи с уменьшением финансирования, большая часть семинаров была перепоручена именно этим руководителям, но им, во-первых, некогда, во-вторых, они сами признавались, что, не являясь специалистами, не могут на достаточно высоком уровне провести эти семинары и добиться нужных целей.

Анализ материалов опроса руководителей и волонтеров убедительно показал необходимость и актуальность систематического тренинга для руководителей, работающих с волонтерами.

Напоминаю, что это исследование 2007 г. С тех пор ДЖОЙНТ последовательно снижал финансирование. В мае 2009 г. в связи с закрытием информационно-аналитического отдела я вышла на пенсию, а в конце 2014 г. закрылся СПБИСОР.

Вспоминая сейчас о своей работе в ИСОРе, я останавливалась только на больших исследованиях, выполненных по заказу ДЖОЙНТа. Однако параллельно было и много других, которые мы проводили своими силами. Они касались различных сторон деятельности хэсэдов, а также анализа процесса подготовки кадров.

Маша, какая у Вас долгая, интересная жизнь в социологии, многое сделано, многих знали... я рад, что мы поговорили, ценнейший материал... а Ваша дочь тоже работает в социологии?

Дочь закончила социологический факультет СПбГУ по специальности «социальная антропология», но работает, скорее, маркетологом в известной питерской фирме. Видит бог, я ее не агитировала. Наоборот, все трудности моей жизни могли ее направить совсем в другое русло, но она буквально со дня рождения варилась в социологическом котле. В моих трудностях она винит лично меня и уверена, что у нее всё сложится иначе. Пока получается! Тьфу-тьфу тьфу! — Другая эпоха.

